

Константин Сергеевич Головатый родился в Якутии. Окончил исторический факультет Воронежского государственного университета. Работал журналистом. Публиковался в журналах «Ступени. Тайны и загадки», «Чудеса и приключения», «Фантомас», «Аконит», в коллективных сборниках и альманахах. В журнале «Подъём» публикуется впервые. Живет в Воронеже.

Константин Головатый

ЛАБИРИНТ ВРЕМЕН

Повесть

ПРОЛОГ

Многие значимые события в его жизни всегда приходили с болью. Рождение, взросление, любовь. Не каждая полюбит такого, как он, — тоже больно. Возраст, когда он определился, чего хочет от жизни и чему ее посвятить. Осознание собственного пути — если взглянуть с угла определенных нравственных устоев, человеческих. Все боль. Потом устои эти сразу исчезли. Бывает, что такие противоречия взаимоуничтожаются — тогда становится легко и свободно. Считай, повезло. А случается, что исчезает одно — лучшее, — остается же плохое.

Сейчас, когда он очнулся с невыносимо ноющей головой, вырвался из плена опиумных сновидений — в горле пересохло, глаза слезятся, — болело все тело. Воспалились шрамы, коих на нем насчитывалось немало.

В широкое окно вливался лунный свет. Из мебели в комнате ничего, кроме кровати и стола — все простенькое, старое, битое кое-как. Еще полно книг — он любил читать.

Вообще-то он мог позволить себе роскошные покои, как у князя или царя, — особенно после недавней выручки. Но, во-первых, привык жить просто, по-спартански, закаляя дух. Да и нет смысла в роскоши. После того, что повидал за гранью, материальные блага для него обесценились.

Не жажда наживы отныне им двигала, а нечто другое.

На столике лежали курительные принадлежности. Заветная трубка с зельем — паруса. Когда он их раздувал, волшебным образом уносился далеко отсюда. Главное: подальше от самого себя, от увиденного. Вдыхал дым и внимал грезам...

Не всегда, правда, курение оказывалось благом, иногда оно порождало кошмары. Как сегодня.

Он многое испытал и страха не знал давно, был силен — и все же дрожал. От физической боли — воспалились шрамы, — а еще от пригрезившихся сейчас чудовищных образов.

Бес и цапли. До чего омерзительные создания, боже ты мой...

1

Как так сложилась жизнь, что жена и сын погибли, а Дуня в лечебнице?

Проклятые мысли, терзания без конца и края — таков привычный итог походов к сестре.

Опираясь на трость с навершием в виде головы крокодила, Петр Дмитриевич Инсаров возвращался из Обуховки.

Несчастливая сестра чувствовала себя относительно неплохо, и доктора тепло о ней отзывались. Она смотрела на брата выцветшими глазами. Взгляд тусклый, словно истертый о потолок и стены. Петр Дмитриевич рад был ее повидать, но ему не терпелось покинуть эти невыносимо гнетущие, желтые стены.

Заразно безумие или нет? Инсаров не раз задавался таким вопросом. Порой ему казалось, что и сам понемногу сходит с ума. Виной же тому груз потерь и дьявольщина, с которой приходилось сталкиваться в ходе расследований.

Он шагал сквозь толпу, заглядываясь на осеннее небо. Эта синь, хмурая и влажная, похожая на акварель, отвлекала от горестных мыслей о разрушенной семье. И хоть немного мирила с окружающей грязью и пропахшими потом людьми. С вонью из грязных ртов, отведавших в обжорке прогорклой дряни и сивухи.

Заразно безумие или нет? Может, заразно, озадачился Инсаров снова. Иначе как объяснить то, что он сейчас увидел?

В толпе мелькнул человек и скрылся за углом аптеки.

Инсаров поспешил отыскать городского. Тот прохаживался неподалеку. Они переглянулись. У обоих тревога в глазах сменилась облегчением. Каждый понял, что не спятил и не один он увидел в центре Петербурга долгоязого человека в белом балахоне, покрытом цифрами и уравнениями.

Прочие же люди на чудака внимания не обратили. Торговались насчет мяса, делили рубли, спорили, тратили и думали, как обмануть новый день. Рутинная, словом, поглотила их настолько, что ничего вокруг не примечали.

— Тоже это видел? — спросил Инсаров городского.

— Да. Туда умчался, в проулок. Верно, с балагана какого.

— Слушай...

— Ни за кем не побегу, даром не надо. И без того хлопотно.

— Слушай! — рассердился Инсаров. — Я из сыскальной полиции, поэтому...

К ним подбежал мужчина в белом переднике поверх рубахи. Волнуясь, сообщил:

— Господа, там человек не в себе. Я стоял за прилавком, а он как выскочит. Бормочет черт-те что, окопесичу несет, мечется. Одет...

— Странно одет, знаем, — оборвал Инсаров. — Веди!

Они последовали за торговцем. Вышли на Тряпицынскую, где сплошь лавки и дешевые магазины.

Толпа бурлила, все наперебой пыталась образумить странного типа в балахоне. Его ругали и одновременно говорили ласковые слова — просили отпустить мальчишку лет двенадцати, которого, прижав к себе, тот цепко ухватил за шею. Он что-то яростно нашептывал ребенку, а для пущей убедительности держал у его горла лезвие ножа.

Человек был бледен, его сотрясала легкая дрожь, взгляд блуждал — крайне взвинчен. И опасен.

Можно попробовать договориться, подумал Инсаров. Но тут как повезет. «Математик» распалился, дошел до черты — это заметно. Из опыта Петр Дмитриевич знал: все окончится вспышкой. Мальчишку зарежут.

— Эй, тебя как зовут? — посмотрел сыщик на городского.

— Тихон.

— Тихон, есть план. Главное, действовать уверенно, тогда, может, и повезет. Пройдешь полукругом, встанешь у той вывески, выступишь из толпы и ласково, с уважением заговоришь. Он должен обратить на тебя внимание, усек?

— Усек.

— Твоя задача развернуть его ко мне спиной. Ко мне и вот этой лавке зеленщика.

Городовой с неодобрением покосился на Инсарова:

— Напасть вздумали? Он ведь мальчика зацепит.

— Нет, и не собирался. Короче, исполняй. Время бежит.

Тихон выполнил указания, заговорил с безумцем в балахоне — тот повернулся к нему и прислушался. Авось внемлет увещаниям и посулам, — зашептались в толпе. На городского глядели как на героя. Молодой, рослый, симпатичный, глаза добрые — Тихон располагал к себе. И тут...

И тут раздался выстрел. Окрасив балахон кровью, «математик» рухнул на землю, а мальчик с криком бросился в толпу.

С револьвером в руке Инсаров замер на деревянном ящике. Он намеренно выбрал такую позицию. Есть возвышение, можно стрелять вверх толпы. Преступник его не видит, и можно прицелиться тщательней. Пуля угодила точно в затылок.

Инсарова благодарили, хлопали в ладоши, а он невозмутимо дожидался Тихона. Тот, работая локтями, пробирался к нему.

— Вы просто так человека убили! — зло бросил городской. Приятные черты лица исказило негодование. — Знай, что стрелять будете, в жизни б не согласился. Я почти уговорил его, а тут... И в мальчишку попасть могли.

Петр Дмитриевич кивнул:

— Мог. Но не попал. Иди оформи все как положено. Мне пора, опаздываю.

2

В сыском отделении Инсарова ожидал приятный сюрприз. Луч света в царстве серых будней.

— Значит, ограбили ювелирный магазин, — сухо сообщил Аристарх Юрьевич. — И ты, Петр Дмитрич, найдешь, чьих рук это скверное дело. Расследование твое. Подробности на месте.

Пока ехали в экипаже, помощник Никита Кольцов вкратце поведал суть произошедшего.

— Владелец Савва Ушатов, у него салон на Моховой, место неплохое. Оживленное. Клиентов не то чтобы много, но имеются. Причем знатные. Княгиня Цеховская, например. Утром Савва пришел открывать магазин, — усмехнулся помощник, — а его, оказывается, уже открыли. Все вычистили. Деньги, камни — все подчистую.

Инсаров невольно вздрогнул. Ведь он как раз проходил неподалеку. Где встретил и застрелил «математика». Совпадение, конечно, случайность — но проверить не помешает.

Здание магазина, несмотря на достаток владельца, выглядело неухоженным. Обшарпанные стены в пятнах сырости обычно оттеняли витрины, в которых красовались изумруды, бриллианты и прочие изделия вроде диадем и перстней. Сейчас же, когда все это минеральное великолепие исчезло, и не скажешь, что здесь находится ювелирный салон. Ночлежка разве что.

Полицейские прошли внутрь. Кольцов продолжил:

— Вообще-то странно. Необычно. У стен трехслойная кладка, очень крепкая. Вот тут дверь и щеколда с наружной стороны. Вор и зашел с заднего двора. Сдвинул щеколду, открыл. А сейфы не взломаны! Отворил без отмычек, сверления и прочего, что в таких случаях бывает. Есть разные школы воров, варшавская, например, но здесь не определишь, кто поработал, тупик...

— Постой-постой. В ювелирном салоне — простая дверь?! С щеколдой, которую сдвинет даже калека?!

— Вот именно! Все просто и в то же время сложно. Магазин точно напрашивался, чтоб его пощипали.

Почесав затылок, Петр Дмитриевич сделал в блокноте несколько пометок.

— А что Ушатов говорит по этому поводу?

— Растерян. Не знает, что и думать. Ночью он был в гостях, мы проверили, непричастен, если вы об этом. Опросили соседей, никто ничего не слышал и не видел.

Инсаров достал увеличительное стекло и, опустившись на четвереньки, внимательно изучил пол. Затем стены и сейфы.

— Мы все осмотрели, — сообщил Кольцов.

— И?

— Ничегошеньки не нашли.

Инсаров с укоризной покосился на помощника:

— А я вот нашел. — На ладони лежал зеленоватый шарик размером с ноготь. — Черт бы тебя побрал, Кольцов, и когда только научишься работать на месте преступления! Мелочь, простая соринка способны решить исход расследования. Вот что у меня в руке?

Помощник повертел находку, понюхал, пожал плечами:

— Затрудняюсь определить. Комок зеленого цвета. Пахнет лакрицей... Монпансье?

— Не знаю, плакать или смеяться... Мало ты работал с натурой, Никита. Я строю, чтобы ты в обысках ночлежек поучаствовал. Хватит перебирать бумажки. Надо тебя в грязь макнуть... Это опиум для курения. Сырец.

3

Несколько притонов, где курят опиум, Петр Дмитриевич намеревался посетить самолично. А помощник пускай покопается в архивах на предмет схожих ограблений. Вообще-то стоило действовать парня плотнее, но расследованию это навредит — маловато покамест у Кольцова опыта и смекалки.

Итак, одна ниточка, напрямую связанная с ограблением, — опиум. Вторая, вероятно, тоже имеет отношение — тут следует выяснить личность застреленного человека в балахоне с цифрами. Хотя на первый взгляд, кроме «территориальной» связи между убитым и салоном нет.

Обе ниточки тянуть придется самому, поочередно. Если постараться, времени займет немного. Выяснение личности оставить на потом. Всего-навсего надо уз-

нать рост, затем к Шульгину в бюро антропометрии — может, проходил по какому делу. Затем с «математической» одеждой к профессору университета, потолковать насчет уравнений.

Но это потерпит. А вот в курильню лучше идти, пока горячо, ибо следы пребывания людей там стираются быстро.

Петр Дмитриевич помчался домой. У него имелся гардероб на особые случаи, тщательно подобранный. Ветхое рваньё, латаное и грязное, — отличная маскировка.

Нарядившись в лохмотья, он глянул в зеркало. Полного перевоплощения, правда, не вышло, потасканный вид портили разноцветные глаза. Из-за которых еще в гимназии ему дали прозвище Бес.

4

Притоны, где можно курить опиум, Инсарову были хорошо известны. Не участвовал в облавах, закрывал их, но они открывались в другом месте. Отрубись голову, а та все равно вырастает — за небольшую мзду околоточному.

За день Петр Дмитриевич успел побывать в двух местах. Заходил, шаркая, сыпал жаргонными словечками, трепался с истощенными завсегдатаями — результатом ноль.

Он надеялся услышать о человеке, который, например, похвалялся, что вскоре сказочно разбогатеет. Или вдруг мелькал на горизонте профессиональный взломщик, а может, талантливый и амбициозный новичок. Или, учитывая эпизод и возможную связь с «математиком», объявлялся некто крайне необычный.

Ожидания не оправдались. Ни единой зацепки. Приходившие туда люди были немощны и потеряны. И даже вчерашний день помнили плохо.

Инсаров посоветовали местечко на окраине Петербурга. И хотя оно появилось вроде как давно, до сыщика о нем доходили только невнятные слухи. Что ж, вот и проверит заодно. В народе то место пользовалось немалым спросом. Можно даже достать экзотические вещества, но хозяин, бестия, ростовщик, вытянет все жилы. Раз обратившись — попадешь в сети.

— Как выглядит? — спросил Инсаров.

— Узнаешь сразу его, браток. Не нашенский. Персиянин вроде. Магазин шалей, говорят, содержит еще. Да живописью интересуется.

— Бывал там?

— Не, господь миловал, не опустился я еще настолько, чтобы иноземцам в полон сдаваться.

Добирался Инсаров долго. Не каждый извозчик готов был подвезти человека столь затрапезной наружности, а он из образа не выходил.

Жилище, где обретался таинственный ростовщик, выглядело странно. Не деревянное, как постройки вокруг, а каменное, в несколько этажей. Оконные проемы разных размеров, одно больше, другое меньше, все забраны ставнями. Вид нехороший, бог весть, что творится в такой крепости.

Напустив подобающий облик, Инсарова постучался. В двери отворилось крохотное окошечко, и тот, кто зыркал оттуда желтым глазом, увиденным, похоже, остался удовлетворен — дверь отворилась. Скучно освещенными коридорами Инсарова провели в зал.

В просторном помещении на полу раскиданы матрасы, на каждом кто-нибудь возлежал, уставив остекленевший взгляд в потолок. Повсюду бутылки и трубки. Дым коромыслом — противоположная стена в нем исчезала. То тут, то там вспыхивали огоньки — кто-то прикуривал.

Обходя лежащих на полу людей, Инсаров отыскал стойку, где заказал трубку, опиум, — и отправился искать свободное место. Нашлось одно. Невзрачный чело-

век в рубахе выглядел живым и способность говорить вроде еще не утратил. Росточка среднего, сутулый, рябенький, виновато смотрит исподлобья.

Чихнув, Инсаров подсел к нему на матрас и завязал разговор. Человечку принесли набитую трубку и лампадку. Он подогрел трубку на огоньке и затанулся. Значит, пора задавать дельные вопросы, иначе тот скоро ускользнет.

Нет, профессионального вора человек здесь не замечал. На вопрос о посетителях в курьезных одеяниях засмеялся, показав редкие зубы.

— Кое-что знаю, — хмыкнул он и передал трубку Инсарову. Дескать, затайись. Придетя, чтобы не упустить. На всякий случай сыщик спросил:

— О чем?

— Ну, тебя ж интересуют странные личности? Здесь много таких: и поэты, и фабриканты... Но я скажу тебе о том, кто в городе убивает! Жуткий тип. Полиции не поймать, это уж точно.

...Ага, что-то удалось нащупать. Инсаров пару раз затанулся, закашлялся:

— Да куда там полиции!

— Это Джек! — шепнул человек, облизнувшись.

Петр Дмитриевич приуныл. В голове шумело. Сейчас погрузится в сон под сопровождение очередной байки о Потрошителе. Он вздохнул, приготовившись услышать о том, как кровожадный убийца пересек океаны, чтобы добраться до Петербурга. Но человек огоршил:

— Джек-Попрыгунчик! — И часто-часто закивал, мол, даже не сомневайся.

Петр Дмитриевич рассмеялся:

— Что за нехристь?

Человек вытянулся на матрасе и голосом, постепенно становившимся все монотоннее, забормотал:

— Слушай, я ничего не говорил!.. Не выдай. У него когти, как у медведя, враз горло раздрает. Сам высокий, худой, в плаще. Прыгает высоко, над домами проносится — потому и Попрыгунчиком кличут.

— А почему Джеком?

Человек с трудом оторвал голову от матраса и уставился на Инсарова:

— Не шибко ты сообразительный. Он из Англии. Ихнее имя. Перебрался сюда. Взял да сиганул через море, все может быть. Вор и убийца... интересная личность... славный Джек... — И потух.

С досады Инсаров сделал несколько глубоких затажек и повалился поперек человека. На такое вопиющее нарушение этикета тот никак не отреагировал.

Видения Инсарова были странны и страшны.

Спотыкаясь, он шагал по пустынному Петербургу. Людей нет, но некое пристальное внимание сыщиком все же ощущалось. Небо затянуло темными тучами, дул холодный ветер. Нева пенилась волнами, да такими, что захлестывала мосты. Мощенная булыжником улица ходила ходуном. По обе стороны от улицы ответлялись проулки с непроницаемым для взгляда нутром, вязкой тьмой.

Домишки скособоились. Исаакиевский собор осел набок. Окна зданий были разной величины и напоминали выпученные глаза. Хлопая ресницами, окна разглядывали Петра Инсарова.

Его обуял ужас, и он побежал вперед. Споткнулся и упал, ткнувшись руками в мостовую. Булыжник вперемешку с лицами. Лица щелкали зубами, и упал-то Петр Дмитриевич, потому как одно прихватило его зубами за сапог. Увидел лица мертвых жены и сына — они кривились от ненависти.

— Я не виноват!.. — крикнул Инсаров. Его едва не вырвало из-за горькой сме-

си отвращения и любви. Чье-то лицо надуло щеки и плюнуло ему в глаза. Зрение пропало, кругом тьма.

Взвыв, Петр Дмитриевич поднялся, отерся от дряни — и прозрел. Теперь он находился прямо перед Медным Всадником. Памятник казался еще выше, вздымался под самые грозовые тучи. На коне же восседал не царь, а некто иной.

Инсаров всматривался в памятник — на площади, вымощенной лицами. Посреди зданий с окнами, в которых ворочались белки глаз с красными прожилками.

Вдруг существо встало на седло и, оттолкнувшись ногами, перепрыгнуло на соседнее здание. Выглядело оно как высоченный человек в плаще и сверлило сыщика жутким взглядом.

Смятенно подумав, что «прыгун» ринется на него, Инсаров поднял трость, защищаясь. И замер. Навершие трости было не в виде привычной головы крокодила, а цапли — и та щелкнула клювом. Инсаров с проклятиями отбросил трость.

Послышалось громкое мяуканье — оно исходило из зиявшей чернотой могилы...

6

Судорожно размахивая руками, Петр Дмитриевич очнулся и обнаружил себя лежащим на маленьком человечке. Грязно ругаясь, он отшатнулся. Мало-помалу окружающая обстановка прояснилась. Зал в дыму, проглядывающие в смоге тела, и... рядом фигура в восточном платье.

Вот он — «персиянин», сообразил Инсаров.

— А я ведь знаю тебя, — улыбнулся тот. Смуглый человек лет сорока пяти. Под густыми бровями огнем полыхали глаза.

Инсаров покрутил ошалелой головой, пытаясь сообразить, кто выдал.

Персиянин хихикнул:

— Не догадаешься, у меня свои связи. Не здесь. Скорее там, — он указал пальцем вверх. — Что тебе надо, господин сыщик?

— Хм, я ищу... Словом, в деле, которое расследую, подозреваемый курит опиум. Вот и решил разузнать, что да как, потому и наведалься.

— Думаешь, он здесь?

— Не исключено.

— Чудак. В городе много мест, где курят... Но впрочем, помогу. За услугу...

— Красавицу нарисовать? — нервно усмехнулся Инсаров.

— Нет, — отмахнулся хозяин. — Ты, верно, справки наводил? Я собираю картины да предметы антикварные... Пройдем ко мне, уважаемый, там и продолжим беседу.

Он привел Инсарова в кабинет, где на полках стояли старинные вещи, дышавшие древностью лет. У книжного шкафа — портрет самого хозяина. С особенно удивительным мастерством были прорисованы глаза — они казались живыми. Тончайшая работа, поистине одухотворенная.

Персиянин уселся на диван, поджав под себя ноги. Жестом указал сыщику на кресло.

— Ты сказал, можешь помочь, — пробормотал Инсаров, невольно залюбовавшись портретом.

— Могу. Даже если искомый человек приходил сюда, ты его не отыщешь. Кого здесь только не бывает, даже я не всех знаю... Ты курил опиум и что видел?

Петр Дмитриевич пересказал свой сон. Отбросил эмоции, изложил сухим протокольным языком. Азиат, не отрываясь, смотрел на гостя.

Наконец произнес:

— Мне нравится, что ты спокоен. Хотя увиденное и задело тебя за живое... Убиты твои жена и сын. Виноват?

Инсаров вскочил как ужаленный:

— Я сейчас разгону твой притон, а тебя арестую! На каторгу пущу! Сгниешь там заживо! Что себе позволяешь?!

— Успокойся и сядь. — Тон персиянина был таков, что Инсаров невольно послушался. — Вся суть в видениях. В том, как они строятся. Чтобы объяснить, в чем станет заключаться моя помощь, хочешь или нет, тебе придется разобраться.

— Я не виноват... — выдавил сыщик.

Хозяин будто не услышал.

— В видениях задействованы те образы, которые ты узрел недавно, и те, что особенно сильно тебя впечатлили. Все дело в сознании. И в личных страхах. Твоя погибшая семья — тяжелая ноша. Лица в мостовой? Ну, ты же, пробираясь по моему залу, заметил на полу, под ногами одурманенных людей. Согласен?

Инсаров хмуро кивнул.

— Дальше продолжи сам.

— Могила и мяуканье... У меня есть кошка Могила, — предположил Петр Дмитриевич. После паузы, воодушевившись, добавил: — А прыгающий всадник в плаще — это рассказ курильщика о Джеке?

И умолк, соображая. Ну да, в декорациях проглядывались очертания улиц, где бывал на днях.

— Но с чего тогда взялась трость с цаплей? Я ничего подобного и вообще связанного с этими птицами не встречал. — Сыщик в недоумении развел руками.

— Откуда мне знать, если сам не знаешь?.. Все образы в видениях вращаются вокруг твоей личности. Они — твои порождения, а ты — центр. Я научу, как сместить этот центр, и ты сам будешь вращаться.

— Зачем? — содрогнулся Инсаров. Неужто придется снова прибегнуть к опиуму и окунуться в кошмар!..

— Мир грез — один. Я дам тебе талисман с моей родины, на время. Он позволит стать одним из видений другого центра, декорацией.

— Но как определить, что это именно нужный мне человек? И вдруг он сейчас не курит?

— Занятые люди курят в это время, после дневных дел. Ну а в случае промаха повторим процедуру, не проблема. Талисман ориентирует, настроится на твои запросы.

— Хорошо-хорошо. Хотя и похоже на бред. Но в случае успеха что это даст?

— Сведения, расшифровав которые, узнаешь какую-то информацию о преступнике. Я так понимаю, зацепок у тебя немного?

— Почти ни единой, — признался Инсаров.

— Думай, — равнодушно пожал плечами персиянин. — Тебе решать.

7

Недолго поколебавшись, сыщик согласился. Конечно, не в его привычках дурманить голову, травить себя, и людей, увлекающихся сим пороком, он презирал, однако в интересах следствия придется себя пересилить.

Хозяин достал трубку, набил зельем, подержал над пламенем, но прежде чем передать, буквально пронзил Инсарова пламенным взглядом:

— Помни, с тебя услуга. Даешь слово?

— Проклятье, ладно! — Петр Дмитриевич нетерпеливо протянул руку к трубке. — Даю!

Персиянин усмехнулся:

— Вот так и подсаживаются на эту штуку. Жадно тянут руки... Постой, принесу талисман.

Он ушел и вскоре вернулся с цепочкой, на которой висел кулон: свернутый из проволоки неровный шарик с вплетенными в него желтым и синим камешками, рыбными чешуйками и былинками травы.

— И как им пользоваться?

— Разберешься. У талисмана много необычных свойств. Это — я к о р ь...

Инсаров надел цепочку на шею и лег на диван. Затянулся из трубки, потом еще раз и еще...

Постепенно разум застлало поволокой. Погружаясь в мир грез, он, точно в тумане, видел бесстрастное лицо сидевшего напротив азиата.

А внизу оказалось ночное небо, сверкавшее бесчисленными звездами. Петр Дмитриевич начал падать прямоком в него. Он махал руками и вопил, кляня себя за то, что пошел на сделку с проклятым персом.

Неожиданно звезды одна за другой стали отрываться от неба и взлетать навстречу Инсарову. Он приземлился на одну — она сияла и была величиной с добрую корову. Петр Дмитриевич обхватил звезду покрепче, но та вознеслась ввысь и вдруг лопнула, как мыльный пузырь. Инсарова отбросило в сторону, на другую звезду.

Звезды подымали его, лопались, сыщик падал, и его тут же подхватывали.

В некий момент Петр Дмитриевич заметил, что в звезде можно кое-что разглядеть. Она полна неясных образов, скрученных в тугую пружину, готовую распрямиться и взорвать своим содержимым дремлющий мир. Поверхность очередной звезды оказалась зеркальной — пред сыщиком предстало собственное отражение.

— Ступай... — шепнул внутренний голос.

И Петра Дмитриевича затянуло внутрь.

Он оказался в помещении среди каких-то измерительных приборов и зеркал. На полу разбросаны драгоценности, ювелирные изделия...

Инсаров приблизился к зеркалу, готовый увидеть себя испуганным, в лохмотьях, в саדיнах и синяках. И — отпрянул. В зеркале был... бес. Самый настоящий бес, с копытами и рогами, покрытый черной шерстью. И все же... И все же в нем узнавался он, Петр Инсаров, — у беса были разноцветные глаза...

Неожиданно все задрожало и потрескалось. В одну из трещин ворвался вихрь и вышвырнул Инсарова обратно. Он опять падал в небо, но звезды теперь были мертвы.

Петр Дмитриевич дико закричал и очнулся.

8

Одновременно с Инсаровым — за несколько верст от него — в Петербурге проснулся другой человек. В комнате с книгами и бедной мебелью.

Человек дрожал от боли и страха. Только что ему вновь пригрелся бес.

9

Петр Дмитриевич жадно хватал ртом воздух и никак не мог надышаться.

— Вот, выпей. — Персиянин протянул стакан с водой, и сыщик жадно его осушил. Он лежал на диване, в окружении старинных вещей, рядом с портретом изумительной работы. На шее висел кулон. Инсаров сорвал его и бросил хозяину.

— Удалось? — поинтересовался тот.

— Еще как... — прошептал Петр Дмитриевич.

Несмотря на страшную головную боль, он пытался истолковать свой странный опыт. Он попал в сон подозреваемого курильщика в образе... беса. Но ведь Бес — его — его! — гимназическое прозвище, известное лишь единицам. Выходит, преступник знает его лично?.. Неужели кто-то из друзей детства?..

В том, что это и есть грабитель салона Саввы Ушатова, сомневаться не приходилось. Там повсюду валялись украденные драгоценности.

Воодушевившись, Петр Дмитриевич действительно искренне поблагодарил хозяина.

— Запомни! — сказал тот, прощаясь. — За тобой должок.

Домой Инсаров вернулся поздно ночью. На ниточку с опиумом ушел целый день. Но и результат имелся.

Он привел себя в порядок, приласкал Могилу, перекусил и лег спать.

На следующее утро, отошедший от паров опиума, отдохнувший и свежий, Петр Дмитриевич поспешил на службу.

Помощник, позевывая, перебирал бумаги. Иногда макал перо в чернильницу и подписывал листы.

— Что, Кольцов, слыхал о Джеке-Попрыгунчике? — огорошил его с порога Инсаров.

— Еще бы... — пробормотал Никита. — Думаете... думаете, он?

— Да. Подаем его в розыск. Напечатай листовки и расклей по всему городу.

Помощник вскочил, но сыщик рассмеялся:

— Постой-постой, отставить! Я пошутил... Есть новости? Что насчет схожих ограблений?

— Никаких. Ничего. Никто более не открывал запросто так чудно подвернувшуюся дверь. Какое-то прямо легкое, прогулочное ограбление.

— Для тебя, Кольцов, важное поручение. Слетаешь к городскому Тихону, фамилии, уж извини, не знаю. Дюже умный, кстати, городской. Не встречал таких. На его участке мной был застрелен опасный преступник. Заберешь у него одежду убитого, с цифрами, и доставишь сюда. Записывай адрес.

Ну что ж, пришло время двинуться по второму следу, косвенному. Надо наведаться к Шульгину в бюро антропометрии и попытаться прояснить хоть что-нибудь о личности «математика».

— Петр Дмитрич! — догнал его на пороге возглас Кольцова. — Забыл, тут вам письмо.

— От кого?

— Не указано.

— Ладно, давай, по дороге посмотрю.

На улице Инсаров поймал извозчика и покатил в отделение.

Поглядывал из окон экипажа — и не узнавал город. Люди посмурнели, словно боялись чего. Шагали, озираясь по сторонам. Посыльный из трактира дошел до моста, а потом стремительно, едва ли не бегом, его пересек.

А может, из-за опытов с опиумом он видит все в таком свете и подмечает одни только странности?

За этими мыслями Инсаров сперва забыл про письмо. Отправитель на конверте действительно не указан. Надпись: «Петру Дмитриевичу Инсарову лично в руки».

Он распечатал конверт, но там не оказалось ничего, кроме черно-белой фотографии. Инсаров аж подпрыгнул на сиденье, и не из-за того, что экипаж наехал на кочку, а от неожиданности. Фотография изображала его самого, с огромным — величиною с человека — белым пером, которое он держал обеими руками.

Однако Петр Дмитриевич такого эпизода в своей жизни решительно не помнил. Его попросту не было! Никогда и никому не позировал он с подобным гигантским пером.

Инсаров покачал головой и вытер испарину со лба. Решение дурацкой загадки придется отложить на потом — экипаж остановился. Приехали.

Мысль человеческая на месте не замирает, развивается постоянно. Касается сей постулат и преступного мира. Ворье и убийцы становятся изобретательней с каждым днем, однако и служителям закона имеется что им противопоставить.

В полицейском ведомстве ввели ряд новшеств. Например, антропометрическое бюро и кабинет фотографии. И то, и другое — целая наука. Люди, трудившиеся в этих отделениях, годами прилежно изучали премудрости классификации. Как было сказано: «Полицейскими это должно быть усвоено так же, как клавиши рояля хорошим пианистом».

В бюро антропометрии главенствовал Анатолий Шульгин. Высокий, сухопарый человек лет сорока пяти в пенсне. Бородатый и добродушный. Яркий образчик того занимательного явления, когда служба накладывает на личность свой отпечаток. Носит черный костюм, белую рубашку и галстук. Пиджак с утра наглухо застегнут, а под конец дня распахнут. В манжетах дорогие запонки, из нагрудного кармашка выглядывает уголок платка, но...

Но в бюро, куда постоянно поступали новые измерения, со временем начал царить беспорядок, преобразивший и одержимого работой Шульгина. Постепенно костюм его стал выглядеть мятым, платок торчал как придется, а из-под пиджака выглядывал край рубахи. В таком виде и носился он по бесчисленным комнатам подвластной ему территории.

Давно приметив это преобразование, Инсаров порой над ним потешался. Он вошел в помещение и увидел, что бумаг и сумятицы заметно прибавилось. Листы, измаранные кляксами, и белые, чистые, валялись повсеместно. Из комнат доносились охрипшие голоса — подозреваемым или же явным преступникам повелительным тоном приказывали замереть.

— А-а-а, Петр Дмитриевич, здравствуйте! — Шульгин вынырнул откуда-то как чертик из табакерки. Взлохмаченный, одежда растрепана, руки в чернильных пятнах. — Вы по делу?

— Да, важное дело.

— И позвольте узнать, какое?.. Простите!.. — Он нырнул в соседнюю дверь, и оттуда сразу донеслись вопли. Он выскочил обратно:

— Прошу прощения. Пригнали новую партию для измерений. С прошлой не до конца разобрались, а тут еще. Взгляните.

Инсаров заглянул в комнату. Помимо двух агентов для охраны, там находились трое служащих и два зверского вида субъекта. Эти двое сидели на стульях с приделанными к спинкам рамками. Служащие крепили им обручи на голове, измеряя окружность, прислоняли линейки и заносили данные в отчетные листы. «Субъекты» сидеть спокойно никак не желали, и из уст служащих лилась отборнейшая матерщина.

Шульгин осуждающе покачал головой:

— Было бы гораздо проще, понимай они, что к чему. Деревенщины! Они убили, их поймали. Думали, угодят в тюрьжку клопов кормить да харчи казенные жрать, а их тут деревьяшками да железяками обкладывают, чего-то считают, пишут. И им смешно, видите ли! — Действительно, один преступник вдруг заржал как конь.

— Ну, скажи, вот чему ты смеешься, балда? — ласково обратился к нему Шульгин.

— Щекотно!

Шульгин обернулся к Инсарову:

— Щекотно ему. А это ведь наука!..

Они пошли по коридору. Сыщик знал, что сейчас последует. Он бывал здесь не

раз, хотя чаще старался посылать Кольцова. Предстояла лекция по антропометрии.

— Итак, Петр Дмитриевич, на службу полицейскую поставлена наука. Мы измеряем человека виновного и заносим в картотеку. А что такое есть человек?.

Исходя из печального, в том числе и недавнего, опыта, Инсаров хотел ответить, что такое совокупность страхов, тяжелых нош и впечатлений, но сдержался.

— Что бы вы ни подумали, милейший Петр Дмитриевич, окажется неправы. — Тут подвернулся еще кабинет, и Шульгин нырнул внутрь. Видимо, там также производились измерения, потому как из глубины донесся его голос:

— Человек — это, во-первых строках — раз-ме-ры! Длина ног, рук — каждый размер в отдельности может повторяться, иметься у разных людей. Но вот все вместе, по совокупности — ноги, стопы, руки, кисти, голова и тому подобное — создает неповторимейший образ, один-единственный в природе...

И голос внезапно стих. Обеспокоившись, Инсаров заглянул в комнату, увидел агентов, служащих, клиентов, вездесущие бумаги и многое другое. Там наличествовало что угодно, за исключением Шульгина.

И вдруг тот возник в конце коридора и крикнул в спину сыщику:

— ...измеряем и записываем...

Петр Дмитриевич подивился было столь сверхъестественной прыти, но, заметив в укромном углу комнаты дверцу, понял: Шульгин попросту обошел его стороной.

— ...убитых, подозреваемых, виновных... К примеру, поймали вы кого, а он назвался именем выдуманным. Вы его к нам. Мы замерили, и выясняется, что в картотеке его параметры уже числятся. И никакой парень не Сивый Пахом, а, скажем, Пахомов Сив, известный конокрад. Пройдите-ка сюда, Петр Дмитрич...

Они поднялись на второй этаж, также занятый анфиладами бесчисленных помещений.

— На первом этаже мы непосредственно измеряем. Там сейчас трудятся тридцать человек, а клиентов у них в данный момент пятьдесят восемь. Вот так. А здесь картотека...

Залы битком набиты коробками и шкафами. Все отделения пронумерованы и обклеены листочками с данными. Хотя видел это и не впервой, Инсаров в очередной раз изумился. Поражали эти действенные скрупулезность и точность, поставленные на службу закону.

— Петр Дмитриевич, — вкрадчиво обратился к нему Шульгин, — а вы-то к нам зачем? Негоже у занятых людей время отнимать.

— По делу, говорил же.

— Отчего ж тогда молчите-то? Айда ко мне.

Зашли в кабинет Шульгина. Полно книг на разных языках, сувениры из дальних поездок, глобус. Прежде чем сесть, Инсаров окинул всю эту ученость уважительным взглядом.

— В книгах — мудрость, Петр Дмитриевич. Выпьете чего?

— Нет, благодарю.

Шульгин плеснул себе из графина янтарной жидкости и выпил. Зажмурился, покосился на сморщенный огурчик, лежащий на блюде, но притронуться не решился.

— Иногда помогает снять напряжение... Знания... На что нам рассчитывать в борьбе с преступным миром, как не на знания, а? Помимо антропометрии и фотографии, прогресс принес немало и других новых методов.

— Ну, про новые методы мне всегда интересно. — Инсаров не лукавил. Последними достижениями в криминальной сфере он искренне интересовался. Шульгин же, когда они касались этой темы, к удивлению, в излишнее словоблудие не впадал. Говорил о новинках очень увлекательно.

— ...Криминалистика развивается у нас неплохо. Но еще лучше, кабы мы своевременно перенимали западный опыт, да-с. У них есть невероятные открытия, в высшей степени восхитительные. В частности в судебной медицине. «Судебные вскрытия трупов» Каспера или «Теоретическая и практическая судебная медицина» Деверже, «Практическое руководство по судебной медицине». Я их штудировал. Главное в сих трудах, что информация систематизирована, а это чертовски удобно.

— Судебная медицина, насколько могу судить, и у нас на уровне. Пример тому — Карл Иванович.

— О да, достойно, похвально... — промолвил Шульгин, однако с интонацией, расценив которую можно было в качестве сомнения.

«...А как бы тебе методы вроде вторжения в чужие грезы?..» Инсаров рассмеялся, поспешно прикрыл ладонью рот — получилось хрюканье. Смутился и забарабанил пальцами по столу.

Шульгин кивнул:

— Самому смешно? Понимаете, что Карл Иванович немного застрял в прошлом?..

Сыщику же внезапно вновь показалось, что видения не до конца отпустили его. В одно мгновенье полки вознеслись кверху, а потолок сделался невообразимо далек. Несметные коробки с измерениями, этот высокий худощавый человек среди них, помятый, одержимый своей весьма неординарной деятельностью... Петр Дмитриевич даже затруднился в выборе определения: зловеще это или смешно?..

Потолок вернулся на место.

— На днях вам должны были доставить данные некоего застреленного. — Инсаров назвал район городского Тихона.

Ну да, так работала эта система. Параметры убитого присылали сюда. Ежели тот хоть однажды проходил по какому-либо делу, то непременно был тут. Тогда в его карточке делали соответствующую отметку.

— Припоминаю. Определено припоминаю... Ведь вы и...гм... уговорили его? — прищурился Шульгин.

— Я. — Сыщик стряхнул соринку с лежащего на коленях котелка.

— Да-да, именно так. Как пылинку. Сейчас проверю.

Спустя минут десять он вернулся со свертком, который торжественно вручил Инсарову:

— Нет, у нас он не числился. Знамо, чист.

Вот и оборвался след.

— Я возьму это с собой, — сказал Инсаров.

— Как вам будет угодно.

Они распрощались. Инсаров поспешил уйти один — сопровождение чревато финальной лекцией.

Оставались одежда и уравнения на ней. Но это подождет до завтра. Остаток дня сыщик решил потратить на более перспективное предприятие.

Курильщик и грабитель салона знает гимназическое прозвище Инсарова. Иначе, как толковать то, что он предстал в образе беса? Мысленно Петр Дмитриевич в очередной раз поблагодарил перса.

Итак — друг детства, гимназист. Значит, сегодня тряхнем прошлым и глянцем, что из него высыплется. Вероятно, пауки и скелеты.

Из товарищей по ученическим годам Петр Дмитриевич ни с кем не общался, но насышан был о многих. Кто-то уехал за границу, другие торгуют, третьи пред-

почли участь заурядных чиновников, многие пошли по наклонной. Иные и вовсе давно упокоились.

А один стал знаменитым художником. И, насколько знал Инсаров, некоторые бывшие гимназисты собирались порой у него.

Инсаров дергал дверной колокольчик богатого на вид дома — художник действительно прославился и зашибал на своем творчестве немалые деньги. Петр Дмитриевич видел его картины. Не такой, конечно, силы, как та, что стояла у перса, но явно талантливо.

— Кто? — раздался глухой голос.

Сыщик думал, как представиться: следователь или по имени-фамилии.

— Инсаров.

— Позже приходи, занят я.

— Следователь сыскной полиции. По делу. Отворяй!

Молчанье, потом:

— Да знаю, знаю, кто ты, Петя. Ребята говорили. — Повернулся ключ, и дверь открылась. — Заходи уж.

Когда-то дом Косуцкого славился гостеприимством. Здесь постоянно толклись посетители: поклонники и меценаты. Считали за честь поручкаться со столичным художником. Многие приносили семейные альбомы, дабы Косуцкий снизошел с высот своего пьедестала и оставил на странице свой росчерк, профиль, да хоть закорючку простую.

Ныне же повсюду царило запустение. Пыль и грязь.

— Слуг разогнал, — пояснил Косуцкий. Он был небрит, желт, мешковат под глазами. Но при этом ощущалась в нем энергия, натянутая струна. Не дряблый, с отеком лицом, а, напротив, подтянут и жилист. На голове колтун, брови нахмурены. Облачен в желтый халат. В уголке рта чадит турецкая папироска.

— Ну, откровенно говоря, не помешала бы уборка, — заметил Инсаров, оглядываясь и все еще гадая, как завести беседу. По-деловому или по-дружески.

— Эх, да знаешь ли, Петя...

— Что?

— Уборка — это порядок. А мне... хаос люб.

— Степа, — осторожно заметил Инсаров, — я видел твои работы. У князей Вертопраховых, у Палевых. Там все четко, академически. На хаос и намека нет.

Косуцкий довольно хмыкнул:

— Верно-верно. — Он опустил окурок в бутылку из-под шампанского, наполнивину полную. — Да только дрянь это. По-настоящему писать я начал недавно. Вот ты говоришь — уборка. А кто в городе произведет уборку, а? А?

Сыщик пожал плечами:

— Мы стараемся, Степа.

— Это риторический вопрос, Инсаров. Не к тебе. К боженке, может. Или вообще незнамо к кому. Не чувствуешь разве, Петербург наш изменился. Образумить его полиции не по силам. — Глаза художника мечтательно блеснули. — Но это славно, славно — творить в таком... хаосе.

Петр Дмитриевич скривился. Ох уж эти творческие причуды! Всегда следствие изрядно затрудняют.

— Вот, Петька, посмотри на мою работу, корплю над ней сейчас. — Они вошли в пропахшую маслом и красками мастерскую. На стенах висели картины, завершённые и нет. Графические наброски валялись прямо под ногами.

На мольберте стояло большое полотно.

— ...А ты кардинально изменил стиль... — заметил, наконец, остолбеневший Инсаров. — Тебе спится-то как потом?

Изображен город под тремя лунами. По улицам ползают насекомые и разные гротескные персонажи — число их несметно. Написано, казалось, единым мазком. Словно художник не успевал запечатлеть ускользающие из сознания и подсознания образы и лихорадочно метался от контура к контуру. Вся эта чертовщина обладала поразительным оптическим эффектом. От долгого и пристального созерцания она точно едва заметно двигалась.

Эта картина Инсарова встревожила, а вот другая понравилось. На ней суровый человек с губами уточкой, в котелке и с тростью. На заднем плане щупальца и фиолетовый цвет с проступающими в нем городскими зданиями.

— Я редко сплю. — Косуцкий не следил за реакцией сыщика. Любовными взглядами он пожирал творения своих рук. — То, что творится в городе, пробудило во мне настоящего творца! До этого я — так, погибал. А теперь... — Он воодушевился: — А теперь разогнал всех к чертовой матери! Творю... Знаешь, когда выгонял тетку Ингу, кухарку, что с детства меня почитала, она сказала: «Бог с тобой, Степа». А я услышал: «Босх с тобой!» Хотя и сказала почти комплимент, вытянул ее по жирной физиономии. Ибо я сам по себе и нет надо мной никакого Босха!.. Правда, потом, сожалею, конечно...

Инсарову тяжело было пребывать здесь. С многочисленных изображений струилось липкое безумие. Полотна еще не завершены, а уже точно обладали недоброй душой. От всего сердца сыщик мысленно пожелал Косуцкому не закончить их.

— ...Степа, а где ты был в эти дни?

— Не выходил.

— Я проверю, учти. А вот упомянул, что тебе говорили, будто я полицейский. Кто говорил?

— Вихров вроде...

В сердце Петра Дмитриевича хлопнула калитка, указав тропинку в позабытый эпизод детства. Как-то они с Вихровым после занятий набрали на спящего в кустах пьяниды и вымазали беднягу дегтем русую бороду. Долгий летний день, полный шалостей, чудес и приключений. Лучший друг.

— Что с ним? — К горлу подкатил комок.

— «Котом» стал. Он однажды с тобой столкнулся, но устыдился, виду не подал. Шлюх содержал, да передержал! — хохотнул Косуцкий.

— Как его найти? Может, чем помогу.

— Я же говорю: передержал. Больно жестко обращался с ними. Удушили, ногами затоптали.

Косуцкий почесал голову. Но не по причине замешательства, а, как показалось Инсарову, из-за насекомых. Похоже, давно не мылся. Сыщик отодвинулся подальше.

А художник вдруг произнес:

— Так ведь у всех, кто с тобой связан, Петька, неприятности происходят. Говорил он и о семье твоей...

Петр Дмитриевич поспешил сменить тему. От этого пачкуна всего можно ожидать. Ляпнет гадость, а он не сдержится.

— А мной еще кто-нибудь интересовался?

— Не припомню... — Косуцкий замялся. — Слушай, я ничего не знаю. Я просто твою, пока... пока время осталось. — В голосе зазвучали нотки отчаяния: — Крохи времени, понимаешь!.. — Помолчал. — Вроде кто-то спрашивал, сюда приходил. Мы пили... Нет, ничего не помню...

Забыв о брезгливости, Инсаров тряхнул его за плечо:

— Кто таков? Как выглядит?

Но художник глядел осоловелыми глазами. На лице возникла напряженная мина — он мучительно рылся в памяти. Пытался что-то ухватить — и не выходило.

— Не помню, Петя, не помню. Станный какой-то был... Нет, не помню...

На улице Петр Дмитриевич вытащил из кармана пальто платок и тщательно вытер руки.

Осталось проверить еще пару-тройку однокашников по гимназии, самых сомнительных.

По дороге сыщик размышлял не только о том, куда едет, но и откуда. Расследуя странное ограбление ювелирного магазина, он будто покинул какую-то точку нормальности. Да еще этот дурак невымытый увеличил градус безумия! Быть Инсарову по соседству с Дуней, коли так дальше пойдет.

Люди на улицах шарахались от собственной тени, подметил Петр Дмитриевич в пути.

Он побывал еще у троих.

Иван Ласков содержал ресторан средней руки. Персона Инсарова там никто интересовался.

Ниткин спился. Перебивался сивухой и хлебом, христарадничал. Припомнил, что недавно угостили его пойлом, отдающим лакрицей. И вроде мелькала в разговоре с саботыльником фамилия Петра Дмитриевича. Но возлияния давно разрушили мозг Ниткина. Инсаров махнул рукой и ушел, а из памяти тот визит стерся уже к ночи.

Третий, Андросов, работал на кладбище. Человеком, по слухам, был крепким. Горячительное не употреблял, что, вообще-то, необычно, учитывая специфику службы. Говорили, кладбище выбрал из-за склонности к философствованиям. Дескать, все прах и тлен.

Когда Петр Дмитриевич появился на Тихонском кладбище, солнце уже заходило. Дождик размочил землю, и сапоги скользили в грязи. Чертыхаясь, Инсаров пробрался к бревенчатой сторожке и постучался. Никто не ответил.

На поиски Андросова пришлось отправиться в безрадостное путешествие в сердце кладбища. Стараясь не поскользнуться, Инсаров шагал среди могил и деревянных крестов, пугая вспархивающее хрипло каркающее воронье. Покружив, птицы вновь занимали места на крестах и надгробиях. Да и сам сыщик развевающимися на ветру полами расстегнутого черного пальто сильно напоминал ворона.

...Андросов нашелся в конце кладбище. Он лежал залитый кровью в свежесырытой могиле. На тело брошена лопата.

Косуцкий и Ниткин не помнили ничего, кроме того, что человек был странно-ват. В чем выражалась «странность»? Неизвестно. Похоже, грабитель салона выяснил об Инсарове ряд сведений, в том числе и прозвище. Но зачем?

Он опаивает, чтобы не запомнили. Судя по запаху лакрицы, добавляет все тот же опиум. Старается обойтись без крови, но вот Андросова зарезал. Потому что тот не пил и разум ему затуманить было непросто.

Он поблизости, рядом, этот Некто. И он опережает Инсарова.

Сыщик съездил за бригадой, куда входили фотограф Басинский с переносным на треноге аппаратом, пара агентов и судебный врач Карл Иванович.

— Что скажете? — спросил Инсаров.

— А что тут скажешь, Петр Дмитриевич? — Доктор складывал в саквояж инструменты. В сторожке они внимательно осмотрели тело. — Ударили лопатой по голове, упал, полоснули ножом по шее. Один удар, точный, без экспрессии. Стокнули тело в уже готовую могилу. Бедняга вырыл ее для клиента, а упокоился сам. Следы борьбы вокруг ямы отсутствуют. Может, подкрался? Может, знал его? Зарядил дождик. Инсарова охватила апатия. Хмуро кивнул:

— Благодарю вас... Не густо, однако. Вот тебе и Деверже с Каспером...

— Хм, — прищурился Карл Иванович. — Этих не читал, хотя слышан. Громкие имена. Увы, придется ждать, пока переведут, французским я не владею...
Прощайте, Петр Дмитриевич.

Оставалось уповать на завтрашний день и профессора математики.

14

Ночь спалось плохо. Вдобавок пришла Могила и, замурлыкав, улеглась на грудь. Стало душно, и Петр Дмитриевич проснулся. Согнал кошку, а сам встал, походил, разминая мышцы.

Отдернув тяжелые шторы, посмотрел на улицу. Ничего интересного, впрочем, не увидел. Дома тонули в густом тумане, подсвеченном огнями фонарей.

После кладбища Инсаров погулял по городу, заглянул на Невский, испытал странную смесь ощущений. Вроде уколов дежавю или еще черт-те чего — сколь ни пытался разобраться, не получалось. Постоял перед Медным Всадником, нет-нет да поглядывая с опаской на булыжники под ногами.

Петр Дмитриевич не узнавал город, в котором жил. Ему всякого довелось испытать, и кожа, так сказать, была дубленой. Есть лихие люди и непотребства всякие. Это нормально, когда в большом городе кто-то живет в страхе. Это правильно, это привычно. Но чтобы боялись все!..

Город стал просто неузнаваем из-за витавшего в воздухе страха. Страх сродни безумию, кстати, ощущался в работах того же Косуцкого.

Особенно боялись мостов — якобы смерть таится под ними. И перейти, прогуливаясь, через смерть безнаказанно не всегда удастся — она потянется за тобой, схватит костлявыми пальцами!..

Санкт-Петербург вывел от страха, как и его жители. Их глаза напоминали глаза сестры Дуни в Обуховке. Только лечебницей с желтыми стенами для горожан стал весь мир, сама вселенная.

Петр Дмитриевич смотрел в туманную ночь и терзался вопросами о тайнах, которые она скрывает. Ведь, чертовка, скрывает!..

Сегодня ему захотелось погулять подольше, подышать свежим воздухом. Приблизился к мосту — но переходить не стал. Передумал. Развернулся, пошел прочь и вдруг спохватился: дьявол, и он туда же! Сходит с ума.

Сделав над собой усилие, перешел мост. Цел, только сердце заколотилось.

Остаток времени до рассвета он провел, разглядывая фотографический снимок с пером.

Поутру, не отдохнувши толком, Инсаров завернул в местный трактир, где напился чаю и погрыз бубликов, без аппетита. Прислушался к разговорам. Ничего примечательного, обычный треп.

В отделении отыскал помощника Кольцова.

— Ну что, Никита? Исполнил?

— Был у Тихона. зуб на вас держит городской, обиду затаил. И ведь достойный человек вроде. А костюм вот он, — выложил на стол сверток.

— зуб, говоришь? Ничего, подержит-подержит и перестанет... Кольцов?

— Слушаю вас. — Впрочем, привычного пиетета и готовности повиноваться в голосе не ощущалось.

— Ты что-то не выспался вроде, Никита?

Кольцов покосился на сыщика:

— Да и вы не отдохнувши выглядите... Да, сон худ. Поди, виной перепады в погоде или еще что. Или... город дурно действует. В выходной выберусь куда-нибудь, дух переведу.

— Погода-то не менялась, Никита. Не заболел?

Помощник помрачнел:

— Затрудняюсь объяснить толком. Мнится, город точно с ума спятил. Вон разгребая. — Поднял со стола ворох бумаг. — Убийства да самоубийства. Последних особенно много.

— Ну, крепись. Скоро ты мне понадобишься.

— Завсегда готов, Петр Дмитриевич. А что там с ограблением у Ушатова? Прояснилось?

— Да так, ни шатко ни валко... — уклончиво протянул Инсаров. — Надо еще проверить. Как раз для этого одежда и нужна.

Кольцов вдруг хлопнул себя по лбу:

— Совсем забыл! Вам письмо. Опять без отправителя.

Инсаров вздрогнул. Распечатал конверт. На снимке снова был он сам собственной персоной. Стоял у входа на мост, держась за гранитный парапет. Взгляд потухший, на платье темные пятна, похожие на кровь.

Этого эпизода Инсаров тоже не помнил. Никто его у мостов не фотографировал.

Он зло смял конверт и рявкнул:

— Басинский на месте? — Это был один из сыскных фотографов.

— Николай Семеныч? Мелькал давеча.

Вне себя от гнева, Инсаров схватил сверток с одеждой и помчался по отделению, заглядывая в каждую дверь.

Облокотившись на стол, молодой парень флиртовал со stenografistкой. Де-вушка на его потуги реагировала вяло.

— Басинский, взгляни. — Сыщик показал два снимка. — Скажи, подделать можно?

Фотограф повертел снимки в руках, посмотрел на свет и вернул обратно:

— Можно, но эти настоящие. А где такое перо раздобыли?

Петр Дмитриевич зыркнул исподлобья, и охота расспрашивать у молодого человека улетучилась мигом.

— На толкучке купил! — проскрежетал следователь.

15

Зажав сверток под мышкой, Инсаров кликнул лихача. От простых извозчиков эти отличались скоростью. Лихач, по определению Фаддея Булгарина, — тот, «у которого лихая лошадь, хороший экипаж и который сам парень не промах». Потратиться на него Инсаров решил из-за острейшего желания побыстрее добраться до университета.

По дороге он подумал, что, учитывая фотографии, у него явно проблемы с памятью, — как у товарищей по гимназии. Может, его тоже опоили? Да вроде спиртного не употреблял эти дни... И сразу захотелось выпить — особенно, когда выбрался из экипажа и расплатился с извозчиком, отметив его серое, осунувшееся лицо. И то, как озирается по сторонам.

Петербургский университет встретил Петра Дмитриевича запустением. Хотя в обыденные дни тут было бойко и оживленно. Сейчас же студентов раз, два и обчелся, а ведь прежде стайки их сновали туда-сюда непрестанно.

Он представился на входе и сказал:

— Мне нужен кто-то сведущий в математике. — Незнамо для чего потряс свертком. Видимо, нервы и напряжение.

Охранник посмотрел снисходительно:

— В аудитории восемь найдете профессора Огурцова, наше светило.

Сыщик стремглав помчался по коридору в надежде, что светило посветит и ему.

Профессор Огурцов оказался гучным мужчиной — настоящий колобок. В пустой аудитории он набрасывал мелом на доске систему каких-то уравнений. Зачеркивал, стирал, снова писал и опять стирал. Когда Огурцов обернулся на звук, выяснилось, что на его бородатом лице не хватало глаза. Черная перевязь наискосок — прямо как у заправского пирата. Единственный беспокойный карий глаз выдавал человека умного, зато бывший второй, ныне отсутствующий, намекал на его неординарное, возможно неоднозначное, прошлое.

— Лука Огурцов. Чем могу быть полезен? — Голос мягкий, тихий. Как он только лекции читает? Нелегко, поди, приходится. — Присаживайтесь, прошу. Сразу оговорюсь: времени уделю немного.

Инсаров представился, назвав имя и должность, развязав сверток, вытащил окровавленный балахон, расправил.

Профессор рассматривал балахон недолго. Пожал плечами, разочарованно пристынул:

— Думал, и вправду серьезное что, а тут... Ужо возомнил, как вместе, плечом к плечу будем биться над разгадкой преступления и распутаем, не выходя из стен университета. Размечтался, попросите, мол, помощи поймать Джека-Попрыгунчика, окажи любезность!.. — В негромком голосе легкое разочарование.

(Попрыгунчик?! И этот туда же! Нет, город решительно поголовно свихнулся!)

— Так что все же скажете? — поморщился Инсаров.

Профессор хмыкнул:

— Многое. И ничего. Потому как на подобную чепуху время и внимание тратить не желаю.

— Подробней, пожалуйста, — терпеливо попросил Инсаров.

— Да это позор! Пятнают светлое имя Николая Ивановича Лобачевского из Казанского университета. Вообще-то, в научных кругах к нему относятся, мягко говоря, со скепсисом, но я Лобачевского всегда уважал безмерно... Хотите подробней? Извольте. В Англии его назвали «Коперником геометрии». Каково? Выдающийся ум, увы, скончался в 1856 году. Ему принадлежит разработка того, что называют неевклидовой геометрией.

— Признаться, не силен я в ваших науках. Что за премудрость?

— А вот что. На плоскости через точку, не лежащую на прямой, проходит более чем одна прямая, не пересекающая данную. Подлинный переворот!.. Но у нас его, конечно же, не оценили.

— А почему? — Лука Огурцов не лез, как Шульгин, с дотошными разъяснениями, и это Инсарова искренне порадовало.

Профессор широко развел руками:

— Геометрия Евклида — столп, стержень мира! А Николай Иванович засомневался и... опроверг. Хотя и не бесспорно.

— Но какое отношение имеет это к разрисованному балахону?

Огурцов презрительно покосился на формулы:

— Самое наипрямеее. После смерти у Лобачевского появилась масса последователей. Сектантов, ежили хотие, а хотие — романтиков. Они взяли на вооружение его идеи, но извратили их неподобающим образом. Наследие Николая Ивановича и без того неоднозначно, а они его еще более компрометируют.

— Это каким же, позвольте узнать, образом?

— Ну вот, к примеру, эти формулы и уравнения. Просчитаны они правильно, хоть и сложны чрезвычайно, но единственно с целью.... открыть четвертое измерение. Эти люди считают, что Лобачевский доказал его существование. Якобы такой вывод проистекает из его постулатов. Когда по мне сие — бред, полный вздор!

Петр Дмитриевич невесело усмехнулся:

— Бред со вздором это как раз по нашей части. Последнее время ими только и занимаемся.

Профессор-пират покачал головой:

— Я не вдавался в подробности, но предполагаю, кто вам может помочь. В университете есть кучка студентов, исповедующих это течение. И ведь умнейшие ребята, но... Не удивлюсь если эти формулы их рук дело. Квартируют в бывшем барском доме на Семеновской улице. Девушка Стрепетова, Марков, Ковригин...

Инсаров записал в блокнот адрес и фамилии и ушел.

16

К счастью, студентов удалось застать на месте.

Проживали они по четверо в комнате. Обстановка самая незатейливая, даже бедная. Полно книг и учебников. Марков — низкорослый прыщеватый юноша в штопанном многократно сюртуке. В Ковригине широкие плечи и тугие бицепсы выдавали атлета. Говорил басом. Долго искали девушку Стрепетову, когда нашли, пригласили в комнату.

Аглая Стрепетова оказалась весьма привлекательной девушкой с вьющимися каштановыми волосами. Широко распахнутыми глазами она насмешливо смотрела на сумрачного господина в пальто, котелке и с тростью, в рукояти которой угадывалась голова крокодила.

Инсаров невозмутимо постукивал карандашиком по блокноту.

— Господа, я следователь уголовной полиции... Оговорюсь сразу: всякие там сходки ваши да митинги, или где вы еще участвуете, меня абсолютно не интересуют, хотя и советую поосторожней быть. Я просто задам пару вопросов, и все.

— У меня такое чувство, будто сто лет с вами знакома. У вас глаза необычные, — неожиданно произнесла Аглая. — Разноцветные. По мне, мужчина должен выделяться глазами. Я вообще люблю... все необычное, — добавила с вызовом.

— Не сомневаюсь, — сухо кивнул Инсаров. — Тогда о необычном и потолкуем.

Он резким движением выложил балахон, надеясь на реакцию и эффект. Затея удалась на славу.

При виде окровавленного одеяния с цифрами Стрепетова ойкнула и испуганно глянула на широкоплечего Ковригина. Крепыш побледнел. Марков, прикусив губу, прошептал:

— Доигрался Пашка...

17

После немой паузы все вдруг заговорили наперебой. Инсаров жестом оборвал словесный поток и рявкнул:

— По очереди! И без того какофония в голове.

— Я скажу, — пробасил Ковригин. — А они, ежели чего, добавят.

— Валяй, — согласился Петр Дмитриевич.

— Прежде, господин следователь, вам следует знать, что мы студенты физико-математического факультета. Специализируемся у профессора Огурцова с кафедры чистой и прикладной математики. Нас называют подающими, так сказать, надежды, однако же, я без излишней скромности заявлю: мы лучшие. А когда ты лучший, тебя, естественно, влечет... куда еще не ступала, выражаясь аллегорически, нога человека.

— Постой, — перебил Инсаров. — «Мы» — это кто? Вы трое и какой-то Пашка?

— Паша Козляткин, самый способный из нас, — пояснила Стрепетова.

Ковригин подтвердил:

— Верно-верно. Словом, мы увлеклись идеями Лобачевского...

Петр Дмитриевич повертел в пальцах карандаш:

— Дай-ка угадаю... Четвертым измерением? А точнее?

Марков, доселе молча теребивший рукав своего затрапезного сюртука, буркнул:

— Четвертое измерение — это... — Выдохнул: — ...П р о ш л о е...

В голове Инсарова со скрипом крутились шестеренки. Он пытался сложить уже известные фрагменты в единое целое, но они упрямо не складывались.

— Огурцов сказал, что вы пытаетесь проникнуть в это измерение. В прошлое, что ли?

— Да, — кивнул Ковригин. — В прошлое. Проникнуть. И изменить его. Теоретически это возможно, мы доказали. На накидке, которую вы принесли, формулы для открытия некоего эпизода минувшего, а также пересчета его. Но какого именно эпизода — не знаю.

— Есть что-нибудь попить? — В горле Петра Дмитриевича внезапно пересохло. Он подумал о собственном прошлом, о мертвой жене... Неужели... Неужели можно все изменить?..

Аглая встала и нацедила в кружку какого-то остывшего варева:

— На чай денег не хватает. Цикорий.

Сыщик отхлебнул:

— Благодарю. Так что насчет этого вашего Козляткина?

— Паша был самым убежденным сторонником нашей теории. Мы написали несколько статей, изложив свои математические выкладки, но в университетских сборниках, понятное дело, в публикации отказали. Тогда за свой счет мы отпечатали в типографии брошюру тиражом десять экземпляров. Громкого имени, разумеется, не обрели, однако же открытие застолбили... Ведь что такое прошлое? По большому счету — цифры и уравнения. Определяешь нужные цифры, делаешь расчеты, пишешь их на одежде и... входишь в пространство минувшего, изменяя его. Соответственно изменяется и настоящее. Уравнения, которые ты, так сказать, на собственных плечах привносишь в систему цифр прошлого, — это своего рода «перерасчет»... Вскидываешь руки и ноги в должном направлении... Но для каждой операции требуются долгие вычисления, надо учитывать массу параметров. Порой на просчитывание одного события и не всякой жизни хватит! Но срок можно сократить, задействовав большее количество участников...

...Инсаров неистово строчил в блокноте. Впрочем, тезисно — в дебри теории пока не вдавался, отложил на потом.

— С Пашей было еще такое, — вспомнила девушка. — Он подкидывал монеты. Рубли, копейки. В полете монеты вращаются относительно друг друга, цифры на аверсах тоже. И их сумма меняется каждое мгновение — в каждой отдельно взятой точке. Получается — ярчайшая иллюстрация нашей теории...

Сложно, все архисложно, однако постепенно сыщик, кажется, уловил главное, и...

— Как открывается пространство?

Молодые люди переглянулись. Аглая чуть побледнела:

— Нужна особая вещь... — Замялась. — Зеркало. Таких в мире всего несколько. И тут самое удивительное. После публикации брошюры со статьями на нас вышел некто. Кто таков — не знаем. Общался с ним только Паша. Паша говорил, что у того человека есть это зеркало, которое он привез из Франции. Вежливый, курит трубку, также французскую, почитает «Исповедь англичанина, употребляющего опиум» де Куинси. Высокого роста и... странный — трудно сказать, что Паша имел в виду. Этот человек пытался взять нас под свое крыло; его интересовали наши теории, не знаю, правда, с какой целью. Если честно, мы испугались.

Согласился один Паша, ушел с ним и... И вот к чему это привело... Кровь... Что с ним стало?

— Застрелили! — отрезал Инсаров.

Стрепетова опустила голову:

— Рано или поздно что-то подобное должно было случиться.

— Почему? — насторожился Петр Дмитриевич.

— Бедовый он был, даже... с криминальными наклонностями. Такие дикие выходы порой себе позволял. И притом — светлый ум, гений!.. — Помолчала. — Однажды его арестовали, за кражу. Но сумел вывернуться.

Сыщик встрепенулся:

— За кражу?! Значит, его должны были обмерить в бюро антропометрии!

— Ха, — усмехнулся Ковригин. — Пашка рассказывал: мол, анекдот, измерили всего, отпечатки пальцев как у опаснейшего преступника взяли и занесли в картотеку.

— Порядок такой, — мотнул головой Инсаров. — Та-а-ак... Так значит, для проникновения в прошлое и его изменения нужны специальные вычисления, а в придачу некое особое зеркало?

— Да. Но есть вроде еще три или даже четыре правила прохода через время. Однако мы их не знаем. Поймите, мы просто теоретики.

— А кто практик?

— Должно быть, тот незнакомец. Который владел зеркалом и наверняка знал все.

18

Взяв со студентов клятвенное обещание не отлучаться из города, Инсаров помчался в отделение.

Копает он верно! Интуиция, выработанная за годы службы, подсказывала, что след взят верный. Надо разматывать клубочек дальше.

Выясненные за день факты выстраивались в цепочку. Отдельные звенья в ней, правда, покамест отсутствовали.

В отделении Инсаров посетил полицейский архив. Отыскав необходимые материалы, спустя полчаса вернулся в кабинет. Пролистал страницы в картонной папке и остался доволен. Версия, похоже, верная.

— Кольцов!

Помощник вяло поднялся со стула:

— Слушаю, Петр Дмитрич?

— Приготовь-ка чаю, Никита, да поживее.

Прихлебывая горячий чай, сыщик заметил на соседнем столе свежий номер «Полицейского листка». Открыл газету и едва не поперхнулся. Страницы пестрели сводками происшествий за последние несколько дней. И каких! Петербург захлестнула волна беспричинного насилия и зверских убийств. Мещанин Прохоров зарезал соседку ножницами. Откровенно объяснил, что спасал ее душу, ибо она чья-то марионетка, а он просто перерезал нити, оставив неизвестного злокозненного кукловода без послушной куклы. Как выразился, «показал тому шиш с маслом».

Самоубийства творческих людей. Эти строки Инсаров читал особенно внимательно. Нет ли чего дурного о Косуцком? Но нет, ничего. Знать, жив курилка, сидит в своем запущенном доме, немый-небрый, да чертовщину малюет...

А в полицейском отделении кутерьма. Куча приводов. Из убийц и насильников большинство казались невменяемыми, и, оформив соответствующим образом, их отправляли пока в Обуховку и схожие заведения.

Черт! Обуховка!.. За всей круговертью он совсем позабыл про сестру. Завтра непременно надо навестить.

А пока, взяв папку из архива и трость, Петр Дмитриевич отправился в бюро антропометрии.

Сыщик остановил пробежавшего по коридору служащего:

— Уважаемый, где я могу найти господина Шульгина?

— В картотеке на втором этаже, — пробормотал тот.

Инсаров поднялся по лестнице, вошел в зал и затворил за собой дверь. Кругом стеллажи и шкафы, забитые папками и коробками с документами. В окна робко вливался тусклый свет угасающего дня. Из глубины помещения доносилось какие-то неясные подозрительные звуки.

Проверив на всякий случай револьвер, Инсаров сунул его в карман пальто. Перехватил поудобней трость и крикнул:

— Шульгин, вы здесь?

Тишина. Затем:

— Да-да, идите сюда.

Шеф отдела антропометрии выглядел как всегда растрепанным. Пиджак он снял, оставшись в черных брюках и замаранной чернилами белой рубашке. Словом, Шульгин находился в своем царстве беспорядка и смотрелся соответствующе.

— Чему обязан, Петр Дмитриевич? Припозднились вы, однако. По делу?

— По делу. Мне нужны данные на Павла Козляткина. Того, застреленного, речь о котором шла вчера.

— Я же говорил, что ничего нет! — Шульгин продолжал копался в стопке бумаг.

— И соврали, — вкрадчиво прошелестел Инсаров. — Ранее Козляткин проходил по краже, был у вас. Есть свидетели.

Шульгин выронил бумаги и поднял взгляд на сыщика:

— Тут такая путаница!.. Вероятно, упустил, не нашел... Сейчас проверю... — И дернулся к проему между шкафами.

— Стоять! — Инсаров прекрасно помнил его умение исчезать и неожиданно появляться в другом месте, а здесь наверняка полно потайных ходов. — Стоять, вы арестованы! За грабеж и убийства!

Шульгин побледнел.

— Что вы, Петр Дмитриевич!.. Я... я никого не убивал... Где доказательства?..

— Доказательств полно, — поводит в воздухе револьвером Инсаров. — В полицейском архиве я изучил вашу биографию. Весьма любопытно. Достоянейшая карьера. Оказывается, вы один из пионеров использования метода антропометрии в России, за что, гм, честь и хвала. А привезли сей метод из Франции, где проживает создатель его Альфонс Бертильон. Бертильонаж начал триумфальное шествие по странам, и многие с целью ознакомления отправились во Францию. От нас была делегация, возглавляемая Бехтеревым, и вы в составе ее.

— Но это же общеизвестный факт, Петр Дмитриевич! А что посерьезней?

Инсаров кивнул:

— Имеется и посерьезней. У четверых студентов-математиков была оч-ч-чень любопытная теория. Просто сногшибательная, я бы сказал. И вот загадочный некто попытался взять этих юнцов под свое крыло. Студенты описали сего некто как «странного», вежливого и что у него было какое-то особенное зеркало из Франции, а еще трубка и книга автора де Куинси об опиуме... — Сыщик помолчал. — А вы, Шульгин... Вы действительно «странный» человек, так многие наши кол-

леги считают. И не коллеги тоже. В том числе те, к кому вы наведались, а после опоили. Прошлый раз вы упомянули труды по судебной медицине. Ненароком я узнал, что они не переведены. А вы их читали в оригинале, по-французски. Опум, трубка, де Куинси. В момент же ограбления салона Саввы Ушатова вы уронили шарик опиума...

(Инсаров не стал говорить, что в дурманных видениях, помимо украденных драгоценностей и «беса», заметил и измерительные приборы.)

— Ну, и еще есть веские доказательства, — буркнул он.

Шульгин, опустив голову, долго молчал. Наконец мрачно проговорил:

— Вы не понимаете, во что ввязались, Инсаров... И ведь вся эта каша заварилась из-за вас! Разве не чувствуете, что происходит в городе? Вы погеройствовали, убив бедного студентика, а теперь...

— Кстати, об убийствах, — перебил сыщик. — У меня был товарищ по гимназическим годам. Андросов. Работал на кладбище...

Шульгин усмехнулся и театрално поднял руки:

— Хорошо. Вину я признаю... Частично. Но нам надо серьезно поговорить. Мы все в большой опасности, Инсаров. И, повторюсь: из-за вас, между прочим.

20

Шульгин сел на табурет, прислонившись спиной к шкафу. Инсаров стоял поодаль и не спускал с него взгляда. Рука с револьвером в кармане. Надо быть начеку — а вдруг Шульгин постарается усыпить его бдительность. Но и выслушать надо — авось расскажет, как провернул ограбление.

— Петр Дмитриевич, я не грабил и не убивал!.. Однако как это произошло, в курсе... Вы же знаете про теорию Лобачевского и четвертое измерение, коль говорили со студентами? Да, это я связывался с ними. Мне требовались талантливые математики, способные произвести... неординарные вычисления, а еще напечатанная мизерным тиражом и никем не замеченная их теория... — И умолк.

— Каким образом вы вышли на них? — Пальцы сыщика продолжали сжимать в кармане рукоятку револьвера.

— Про заложенные в эту теорию идеи я слышал за границей, еще давно, и собирался их использовать. Нет-нет, исключительно ради общественного блага! Я мечтал продолжить дело старых товарищей-народовольцев: изменить кое-что в прошлом, дабы хорошо жить стало всем, а не только избранным. И представьте мое удивление, когда, объездив в бесплодных поисках хотя бы малейших отголосков загадочной теории, я вдруг обнаружил, что в Петербурге есть уже достаточно поднаторевшие в ней люди, молодые романтики...

— Зеркало? — перебил Инсаров.

Шульгин вздохнул:

— Приобрел во Франции. Блюдя строжайшую конспирацию, меня свели с неким таинственным торговцем раритетами, который поведал, что оно служит для проникновения в четвертое измерение — прошлое, которое можно поменять.

— Это я уже слышал, — кивнул сыщик. — Дальше?

— А дальше я привлек на свою сторону Козлятникова, остальные трое отказались. Знаете, у этого процесса есть свои правила, одно из которых гласит: с о б ы т и е происходит в определенном месте, и чтобы его изменить, в момент операции надо находиться неподалеку. Для «пересчета» необходимо облачиться в платье с начертанными на нем специальными математическими формулами, однако это может привлечь нежелательное внимание, как, увы, произошло в случае с вами и Павлом. Для реализации же моего замысла требовалось оказаться рядом с резиденцией правящей династии, что серьезная проблема: охрана скрутила бы вмиг.

Но... Но, повторяюсь, познакомившись во Франции с работами Бертильона, я был поражен.

— Чем же? Тем, что он порядочный человек? — усмехнулся Петр Дмитриевич, а Шульгин упрямо мотнул головой:

— Тем, что любая... любая личность — это, опять повторю, совокупность *размеров*. Чисел!

Инсаров напрягся:

— Постойте-постойте, то есть не обязательно наносить на одежду какие-то там формулы и письма, а следует просто найти человека с нужными антропометрическими параметрами?!

— Точно так, Петр Дмитриевич! — торжествующе просиял Шульгин. — Живое уравнение — дышащее, пьющее, любящее... Делаешь расчет касательно события и расчет изменений, подбираешь соответствующую личность — и готово! Эта личность проникает в зеркало, изменяет что требуется в прошлом и возвращается обратно. И никаких балахонов с цифрами, никаких подозрений!

Инсаров нервно заходил по комнате:

— Черт бы вас побрал, Шульгин, но ведь если это правда, вы сделали грандиозное открытие!

Шеф бюро антропометрии улыбался как ребенок:

— Рад, страшно рад, что оценили! Кстати, насчет ограбления ювелирного салона Ушатова. Грабил не я, а тот, кого вам предстоит найти. Он измерил параметры магазина — стен, дверей, окон — и с помощью Козлятникова произвел необходимые вычисления, ибо сам в математике не сильно силен, хотя и учится. Взяв у меня Зеркало, изменил прошлое и установил в задней стене салона дощатую дверь с щеколдой, а также открыл сейфы. Ночью же спокойно зашел и забрал добычу.

Инсаров жутко разволновался. Неужели все было именно так?! Невероятно, но факт?

— Но кто? Кто этот человек? — вскричал он.

— Терпение, Петр Дмитриевич, терпение. В нашем бюро антропометрии обширнейшая картотека. Исходя из конкретных целей я мог выбирать кого угодно! Просчитав вдвоем с Павлом некоторые минувшие политические события, я подобрал... — Шульгин кивнул на шкафы. — Подобрал ряд людей-«ключей». Вошел с ними в контакт, хотя это было и непросто. Некоторые согласились. Тот, кого вы ищете, один из них.

— То есть данные на него здесь? — замер Инсаров. — Скажете, кто он, как зовут?

— Скажу. Даже отдам его дело. Но предупреждаю: это страшный человек, отъявленный преступник! Хитер и амбициозен. Он довел мою систему до совершенства, превратил в искусство. Каждый из людей, так сказать, заточен под несколько событий с учетом возрастных изменений организма. Но можно подкорректировать свою антропометрию, да и не только антропометрию. Отрезав, например, палец или нанеся на тело шрам. Тогда вероятность успеха возрастает многократно. И этот человек весь в шрамах! Его постоянно мучают боли — поэтому курит опиум...

«Так вот где ошибка», — подумал сыщик. Он побывал в видениях не у Шульгина, а у таинственного «ключа», который наведался к его гимназическим товарищам, убил Андросова. А измерительные приборы — потому что его самого измеряли и он имеет отношение к этой проклятой «теории»...

— Простите, что погорячился, обвинив вас, — произнес Инсаров без особой радости. Он ведь думал, что все закончилось, а, похоже, только начинается.

— Этот, гм, «ключ» совсем сбил с пути Павла, который и так уже попадался на воровстве. Вдвоем они ограбили Ушатова. Человек-«ключ» проник в Зеркало, в четвертое измерение и увидел там нечто ужасное... Чудовище...

— Перегибаете палку, Шульгин. Какое-то чудовище приплели. Напомните лучше об этих ваших «правилах».

— Извольте. Будущее изменить нельзя, так как объекты настоящего материально в нем покамест отсутствуют. Первое из главных правил — закон количественного сохранения душ. Коли возвращаете человека оттуда, взамен отдаете отсюда. Второе — пространственная близость, я объяснял уже на примере ювелирного салона. Есть какие-то еще, но мне они не известны. Возможно, известны кому-то другому: говорят, в Петербурге есть некто сведущий... Вот вы и знаете все, как и то, что сами в определенной степени виноваты.

— Я явился обвинить вас, — перебил сыщик, — а вместо этого опять обвиняют меня! Поясните.

— Он приходил сюда и рассказал, что вы застрелили Пашу, который как раз открыл измерение, чтобы переделать дверь салона Ушатова. Открыл и сбежал, потому как увидел там нечто — ужасное чудовище — и, обезумев, бросился на улицу... А «ключ» заинтересовался вами, Петр Дмитриевич, наводил о вас справки и еще намеревался навеститься к вашей сестре. Сейчас принесу данные на него, подождите.

Шульгин ушел. Было слышно, как он бормочет что-то, расхаживая по закоулкам своего царства.

Внезапно раздались глухие удары, потом сдавленный стон. Выхватив из кармана револьвер, Инсаров нырнул в лабиринт шкафов.

Шульгин с окровавленной головой лежал на спине, жадно лоя ртом воздух. Рядом валялся антропометр Мартина, сильно смахивающий на ледоруб.

— Унес... он... он... унес... — несчастный не договорил и затих.

21

Послышались мелкие торопливые шаги — убийца спасался бегством.

Навряд ли он побежит на улицу через парадный вход — там опасно, подумал сыщик и бросился на звук. Неизвестный еще здесь, и вдруг... И вдруг на него рухнул тяжелый шкаф, затем скрипнула дверь, и — тишина.

Инсаров, чертыхаясь, с трудом выбрался из-под шкафа. За потайной дверью была лестница, ведущая на задний двор. Этим-то путем злодей и ускользнул.

На место преступления прибыли пара агентов и Карл Иванович. Фотографа Басинского в отделении не оказалось.

— Шульгина били по голове, — сообщил доктор. — Несколько раз, проломлен череп.

Инсаров слушал и размышлял. Что незнакомец искал и наверняка унес? Конечно, собственное дело.

— Итак, еще одна смерть. — Он потер переносицу. — И, знаете, появилась у меня интересная догадка. Андросова на кладбище сначала ударили лопатой, потом добились ножом. Шульгина прикончили антропометром. Оба орудия убийства — с длинным древком, что ли. Таким, чтоб вернее достать до головы, предпочтительней орудовать... малышу. Нет, не ребенку, разумеется, — взрослому, но маленького роста, согласны? Карлик?

— Возможно, — пожал плечами доктор.

— Когда он убежал, я слышал... Не сразу придал значения, однако сейчас подумал... Знаете, не грохот башмаков высокого или даже среднего мужчины, а какой-то суетливый топоток. Повторюсь: на мой взгляд, преступник маленького роста. Так вот в чем «странность», о которой говорили те, кто его встречал! Ну и плюс шрамы. Точно. Карлик.

— Я закончил, — сообщил Карл Иванович и, уже собираясь уйти, вдруг хлопнул себя по лбу: — Едва не запамятовал! Петр Дмитриевич, ваш Кольцов передал вот это.

С опаской Инсаров взял белый конверт, повертел в руках. И что там? Вздохнув, распечатал. На сей раз внутри оказалось целых три снимка. На одном он стоит рядом с девушкой. Миловидная, взгляд насмешливый, из-под шляпки выются каштановые волосы. Аглая Стрепетова! «Будто сто лет с вами знакомы», — вспомнились ее слова. Да-а-а, похоже, девица замешана в этой чертовщине сильнее, чем ожидалось.

На двух других снимках запечатлены листы с математическими уравнениями. Отчетливо видна каждая цифра.

А вдруг неизвестный «ключ», собрав о нем сведения, уже манипулирует им? Может, он уже вмешался в его прошлое? Этими мучительными вопросами задавался Петр Дмитриевич по дороге в Обуховку, к Дуне. Хотя и не только этими.

Получается, Павел Козляткин столкнулся в зеркале с некой загадочной тварью, обезумев от ужаса, помчался по улицам и был в итоге застрелен. Но затворил ли он за собой эти бесовские «врата»? В таком-то состоянии?

Пронзила мысль: а вдруг чудовище вырвалось в сегодняшний мир и теперь оно в Петербурге? И не в том ли причина кошмарной атмосферы в городе, волны самоубийств и страхов? По хронологии совпадает полностью. Вся эта дьявольщина и началась akurat после ограбления ювелирного салона Ушатова.

Однако в какой-то момент, убаюканный мерным ходом экипажа, Инсаров задремал.

Ему виделась вереница опрошенных в ходе расследования людей. Один за другим, как сомнамбулы, шагали они по кругу — в крошечной тьме, лишь отступающей на миг под вспышками фотографического аппарата. Художник Косецкий, профессор Лука Огурцов с повязкой на глазу, человек из опиумной курильни, Стрепетова, атлет Ковригин, Шульгин, Басинский, Кольцов... Над их головами стремительно носился неуловимый Джек-Попрыгунчик. Своей бесконечной ходьбой и какими-то болезненно-ломаными телодвижениями все они напоминали несчастных, забитых марионеток. А незримый их повелитель, их кукловод скрывался где-то в глубине мрака, для вспышек света непроницаемой. Присутствовал там и он, Петр Дмитриевич, опирающийся на трость с навершием в форме головы цапли. А еще...

А еще был тот самый персиянин. Который престранным образом стоял в стороне. Словно заглянул из чистого любопытства, выделяясь среди других сновидческих персонажей некой живостью, внутренним огнем, горящим в чуть раскосых глазах. На шее — кулон-талисман. И персиянин загадочно улыбался и манил его, Инсарова, пальцем... «С он! Он в торг ся в сон!..»

— Якорь! — Проснувшись, Петр Дмитриевич вскочил и ударился головой о верх экипажа. «...У талисмана много разных свойств...»

Сыщик высунулся из окна и крикнул бородатому детине в армяке:

— Поворачивай обратно!

Возможно... возможно, найдется лазейка изо всей этой чертовщины. Единственная спасительная точка в захлестнувшей реальное бытие адской круговерти.

...он морщился от боли. И вместе с тем восторженно трепетал. Гранитные площадки возле моста красны от крови. Всюду разбросаны фрагменты человеческих тел. Смерть и ужас, словом. То, что это натворило, поджав левую лапу, нетерпеливо вертит уродливой мордой — огромное и беспощадное создание. Полицейские сбегаются на это кошмарное действие со всех сторон. Люди вопят о чудовище.

Сейчас... Сейчас все соотрется по мановению его маленькой руки.

Он предпочитал наблюдать за расправой из кареты. И однажды увидел человека в пальто и котелке. Тот стоял рядом с местом бойни, и тут же суетился с фотографическим аппаратом едва живой от страха помощник.

Инсаров — вот кто этот человек! Виновник его кошмаров, представивший в образе беса после того как удалось узнать его гимназическое прозвище. Шулгин раз обмолвился, что дотошный сыщик вышел на людей, сведущих в теорию и способных счистать...

У него самого не было нужных связей и знакомств, а непременно требовалось сделать уравнение защитителем от «тех сил».

Воспользоваться Инсаровым — замечательнейший вариант!

Карета тронулась, он подал знак — и фрагмент настоящего начал точно стираться. Как всегда это выглядело забавно. Теперь кровавой бойни словно и не было.

Да-да, вот таков сотканный им ЛАБИРИНТ ВРЕМЕН. В котором блуждал теперь его противник Петр Дмитриевич Инсаров, сумевший, надо отдать должное, взять след.

Порой он и сам боялся затеряться в ЛАБИРИНТЕ, потерять связь с реальностью. Выручала цапля — мертвая точка, от которой тянулась нить маятника, что, раскачиваясь, разрушал временные связи.

В один из эпизодов он вышел из кареты и приблизился к мосту.

Покорное его воле, чудовище мирно застыло. Фотограф только что грохнулся в обморок, сыщик был бледен как смерть.

Он предложил свои услуги и нажал на кнопку аппарата.

— Странная затея фотографировать это.

— Понимаете, все это сейчас исчезнет... а на снимке сохранится.

Он этого не знал.

— Жуткая тварь, стоит столбом. А ведь ее можно остановить.

Инсаров пристально посмотрел на незнакомца. Человек с крепким стержнем, сразу заметно.

— Я пытался.

Надо дать понять, что в курсе происходящего.

— Это цифры. Ключ в них.

— Кто вы?

— Я математик и понимаю, что творится, — вежливо шаркнул ножкой. — Есть начало уравнения, способное эту тварь приструнить. Но рассчитать до конца мне не под силу. Здесь ее размеры. — Он протянул листок с записями. — А вы знаете, кто сможет это сделать?

— Знаю. Как, говорите, вас зовут? — спросил Инсаров.

— Не важно, — отмахнулся он. Сфотографировал листок и, оставив Инсарова, удалился.

Тотчас же подал знак стираться.

Конечно, доверится сыщик не сразу. Поэтому подобный эпизод он повторил не единожды, и всякий раз Инсаров точно видел его впервые. Эффект дежавю, на который была сделана ставка, дал результат. Удалось вызвать интерес и доверие.

Задуманное шло по плану. Инсаров рассчитывал с кем-то уравнение, но досчитать они не успевали — начинались перемены. Фото надежно хранило результаты.

Но скоро им все удастся. В настоящем сыщик ничего не вспомнит, ни лица, ни угроз. В этих эпизодах он попросту доведет свою работу до конца.

— Послушай, — сказал Петр Дмитриевич извозчику, — я скоро. Дождись, плачу вдвойне.

На стук в двери отворилось маленькое окошечко, откуда оценивающе глянул желтый глаз. Вопросов при виде строгого господина в пальто и котелке не возникло. Похоже, его ожидали. Дверь открылась, и сыщик вошел. Молчаливый слуга с обритым наголо черепом проводил его напрямиком в кабинет.

Персиянин восседал на диване, поджав под себя ноги. В кабинете ничего не переменялось. Портрет стоял на прежнем месте в окружении старинных вещей.

— Господин следователь, — почтительно наклонил голову хозяин. — Знал, знал, что вскорости нагрянешь.

— Позволь прежде поблагодарить, — кивнул Инсаров. — Тот опыт выручил изрядно.

— Рад, рад. Но это талисман помог, не я. Похоже, он потребовался вновь? — Персиянин подмигнул: — Однако ты за прошлый раз еще не расплатился.

(Черт, совсем забыл, подумал Инсаров, с меня должок.)

Он спросил:

— Тебе известно, что в городе творится?

— Как не заметить. Милостью высших сил талисман поставил меня вне перемен, и я мог наблюдать. А тебе... Тебе не наблюдать придется, а исправлять. Негоже стрелять в людей за просто так, господин следователь, почем зря.

— Ты...ты и про Зеркало знаешь? — вспомнились ненароком слова Шульгина об еще одном сведущем человеке в Петербурге.

— Знаю. Я собираю старинные вещи, а Зеркало — любопытнейший артефакт. Оно изготовлено давным-давно, теми же, кто создал известный тебе талисман. Кулон — якорь в любых изменениях. В играх с прошлым, например. Прошлое, даже если его убрать, стереть, сохраняется глубоко в подсознании. Это связано с отпечатками в Мировой Душе, где все, вплоть до простой мысли, оставляет след. Допустим, некий момент прошлого исчезает, и нити, протянувшиеся от него в будущее, исчезают также. Но след остается. Касается это и фотографий.

Петр Дмитриевич опешил, затем в нетерпении замахал руками.

— Что? Что ты сейчас сказал? — Отбросил трость и, порывшись во внутреннем кармане пальто, извлек снимки. С пером, с пятнами крови у моста, с девушкой и с формулами.

Персиянин бегло их проглядел.

— В устройстве фотографического аппарата, — молвил, — используются серебро и элементы, позволяющие сохраниться... А еще круг, вписанный в квадрат, — символ устойчивости. Инсаров, однажды я тебе уже говорил. Просто стерлось.

— Значит...значит, снимки эти — свидетельство исчезнувшего прошлого? Ничего не помню, потому что этого не было, но... оно было! И запечатлено! Я действительно держал перо, стоял рядом с ней...Я не спятил!

— Верно. Это как слова, продиктованные духом на спиритическом сеансе — с того света...

В первую встречу персиянин дал понять, что они знакомы. Да, выходит, он знает толк в таких вещах. Вкратце Инсаров поведал о деталях расследования, которые иначе как странными не назовешь, и заключил:

— Есть опасение, что он намеревается заглянуть к моей сестре. Там его и встречу. Но прежде — талисман. Надеюсь, он сумеет охранить меня от опасных игр, которые затеял этот господин, и я смогу действовать более эффективно.

Хозяин согласно кивнул:

— И я надеюсь, хотя господин сей дьявольски умен. Сразу оговорюсь: не имею

понятия, кто он... Он стирает прошлое благодаря случайно обнаруженному... Даже не знаю, как назвать. Это не артефакт, не побрякушка. Это некий механизм мироустройства, или, если пожелаешь, закон природы, подмеченный им и взятый на вооружение... Фотографии твои — запечатленные моменты стертой цепочки. Он выстроил Лабиринт, в котором надо его отыскать, и поджидает тебя на манер Минотавра. Торопись, пока не произвел новых вычислений.

— Он не силен в математике.

— Значит, найдет того, кто силен. Или уже нашел.

— Мне рассказали о правилах операции. Ты с ними знаком?

— Да. Запомни: то, с чем столкнешься — не Добро и не Зло. Оно вне оценочных категорий, по т у с т о р о н у. Оно пожирает прошлое. А теперь — людей.

— Но мы-то в настоящем! Нет, не разумею, что имеешь в виду.

— Где-то в будущем ты смотришь на себя сегодняшнего. Ты — прошлое, как и я. А с талисманом станешь иным. Но заклинаю: используй его умеренно!

24

Извозчик рассеянно глазел в темно-серое небо.

— Скоро тронемся, — сказал Инсаров, — обожди немного.

Отошел на несколько шагов. Пора запустить талисман. Если развить метафору персиянина, выходило, что эта штука вознесет его над Лабиринтом, и оттуда он увидит своего врага.

Помня малоприятные впечатления прошлого раза, сыщик с опаской надел кулон на шею.

Ожидал чего угодно, но ничего не происходило. Земля не разверзлась, ни в какие выси он не взлетел, звезды сияли где им положено. Инсаров по-прежнему стоял возле дома с разными окнами. Наверняка за ним наблюдали: из окна — хозяин, из-за двери — желтый глаз. Напротив ряд деревянных домишек, рядом экипаж, бородатый извозчик которого недоуменно уставился на него.

Но... Но внезапно реальность стала точно пузыриться. Отдельные фрагменты картины, на которую сейчас взирал, затаив дыхание, Петр Дмитриевич, начали надуваться пузырями и взрываться в сознании. И в каждом взрыве — пережитое им прошлое. Давным-давно стертое, но вдруг вырвавшееся на свет божий и показанное носителю кулона. Инсарова словно раз за разом окатывало ледяной водой — так являлось осознание каждого эпизода.

«...Талисман ориентирует тебя, настроит на твои запросы...»

Заломило в висках, застучало сердце, в глазах потемнело. «Он же сказал — использовать умеренно!.. Долго в таком состоянии не протянуть, а оно только ухудшается. Главное... Надо вычленить главное, но постепенно, с передышкой...»

Петр Дмитриевич с трудом дал мысленный приказ талисману, и мгновенно все пришло в норму. Осталась только головная боль. Он обнаружил себя стоящим на четвереньках в пожухлой траве. Встал, отряхнулся, сел в экипаж.

— В Обуховку, — велел изумленному извозчику и добавил: — На Петергофскую.

25

Изначально Обуховская больница целиком располагалась возле одноименного моста. Но в 1828 году отделение, занимавшееся психическими расстройствами, обособили, а в 1932-м перенесли на Петергофскую дорогу, в усадьбу Сиверса. Новый корпус назвали Больницей Всех Скорбящих Радости, однако в народе по-прежнему говорили «Обуховка», а в случае поездки уточняли: мол, на Петергофскую. Именно там содержалась Дуня.

По дороге Инсаров почти успокоился, безмятежно поглядывая по сторонам на роскошные, богатые усадьбы.

Впереди показалась лечебница. Комплекс зданий, объединенных в единый ансамбль. Каменные корпуса с пристроенными к ним флигелями. И где-то там, в одной из палат, живет сестра, которой не должен причинить вреда его враг.

Во дворе мельтешили надзиратели и фельдшеры — все в белых одеждах. В специально огороженном саду гуляли больные. На подъезде к больнице — экипажи посетителей, и раззолоченные, и простые. Одна карета стояла в стороне, особняком от прочих, и словно готовилась к отъезду. Окна занавешены. Кучер на облучке потягивается, разминая мышцы.

Петр Дмитриевич выбрался из экипажа и, постукивая тростью, пошел к воротам. На груди пульсировал теплом талисман.

Пока сторож, собравшись впустить посетителя, отпирал узорчатые ворота, Инсаров оглянулся и увидел, как дверца одинокой кареты приотворилась, оттуда что-то выпрыгнуло и стремительно понеслось к больнице. Юркое животное, чуть больше крысы.

Инсаров шагнул за ворота и снова замер, оставившись на сторожа. Тот остолбенело смотрел ему за спину: глаза выпучены, рот искажен в безмолвном крике. Он что-то увидел! Но что? Сыщик обернулся...

Выскочившее из кареты существо приближалось, увеличиваясь с каждым прыжком. Вот оно уже ростом с человека и выглядит как цапля с тонкими красными ножками, пернатым туловищем — перья черные с белым — и маленькой головкой на длинной шее. Белесые глазки без зрачков, от вдоль черепа костистый с перепонками гребень. Существо щелкало длинным клювом, сверкая острыми зубами.

Когда цапля добежала до ограды, она выросла настолько, что легко перемахнула через нее.

Петр Дмитриевич впал в ступор, цапля же промчалась мимо.

Люди во дворе закричали, заголосили. Санитары заметались в поисках убежища, а пациенты потрясенно уставились на чудище, места которому не находилось даже в их самых болезненно-воспаленных фантазиях. Цапля переросла уже здание больницы, продолжая расти и топча людей ногами, как столбами, только перевитыми венами и обтянутыми красной морщинистой кожей. Она вертела головой, словно искала что-то, возбужденно хлопала крыльями, и на землю сыпались огромные перья.

Инсарову сразу вспомнилась фотография, где он держит такое перо. Значит, сталкивался с этой тварью?..

— Найди ее! — прогремел вдруг из чрева кареты голос некто, скрытого за занавесками.

И — резкими ударами острого клюва цапля принялась пробивать крыши корпусов. Удар за ударом, во все стороны полетели обломки кровли. Возле сарая, опустившись на колени, молилась женщина в платке. Сверху свалился большой камень, и она рухнула на мгновенно окрасившуюся кровью землю.

Инсаров прижался к ограде, сраженный осознанием собственного ничтожества, бессилия и невозможности остановить могучую тварь. Но горько было не только от этого, а еще и от того, что он, Петр Дмитриевич Инсаров, как и любой другой...
п р о ш л о е. Корм для чудовища...

Отчаяние подтолкнуло к действию. Он выхватил револьвер и выпустил в громадное пернатое тело весь барабан. Но все впустую, да и что ничтожные пульки могли сделать такому колоссу.

Цапля уже разрушила крыши и теперь таращилась белесыми глазами на пациентов в палатах — как на жучков в банке. Стремительным рывком выхватила

клювом кого-то за ногу, подбросила как выловленную в пруду лягушку, поймала. Жертва отчаянно кричала.

Изогнув длинную шею, цапля повернула голову к Инсарову — в клюве была зажата Дуня: безумный взгляд, отчаянно простертые к брату руки.

Петр Дмитриевич тоже потянулся к девушке, но цапля внезапно выпрямилась и, окатив его липкой зеленоватой слизью из клюва, проглотила несчастную. А потом вдруг быстро двинулась к карете, с каждым шагом уменьшаясь в размерах, — и вот уже вовсе не цапля, а «крыса» проворно нырнула в приоткрытую дверцу кареты.

И тут произошло еще нечто более удивительное.

На глазах потрясенного Инсарова жуткое действие, зрителем коего он оказался, точно стало сворачиваться. С земли медленно взлетали обломки стен и крыш — глыбы, камни, щебень, дерево, штукатурка — и все это опять занимало свои места в теле зданий. словно кто-то оперативно стирал прошлое, и... уже ни следа разрушений. Постройки вновь стали целехонькими.

Как прежде, по двору заходили-забегали люди. Они явно ничего не помнили, хотя настроение в воздухе витало тревожное. А погибшие просто исчезли.

Похоже, один Инсаров помнил, что произошло — благодаря талисману. «Якорь» сумел оставить его вне чьей-то страшной игры.

26

Фотография с пером!

Повинуясь импульсу, талисман заработал.

Реальность вспучилась пузырями, и они ворвались в сознание.

Калейдоскоп картин — мозг выхватывал их по одной, делая четче и ярче, но заболела голова заболела, зарябило в глазах, закровоточили десны.

Помимо физической боли, разум мучительно пытался осмыслить, совместить противолежащие на шкале Времени события.

Инсаров увидел, что не раз сталкивался в городе с цаплей. Она жила под мостами. Вырастая из-под них, нападала на людей, пожирала — а потом это стиралось неким Кукловодом. Тем, кто ограбил салон, убил Шульгина и Андросова. Он в совершенстве отточил механизм злодеяний. Его карета всякий раз оказывалась поблизости, из нее он наблюдал за расправой, отдавал приказы.

Инсаров тоже бывал там. Фотограф запечатлел его на месте кровавых боен, и снимки сохранили эти жуткие эпизоды. Вот сыщик подобрал и держит перо, которое исчезло после «отката». Потому-то в опиумных видениях мелькала голова цапли! Подсознание ее сохранило.

Взорвался очередной пузырь с прошлым — и Петр Дмитриевич понял, что все снимки сделаны им нарочно и отправлены самому себе в будущее. Чтобы там убедить себя. Но кто же фотографировал?

В некий момент из-за треноги с фотографическим аппаратом, прихрамывая, вышел человек с кривящимся, точно от боли, лицом. Смутно знаком. Опять дежавю?..

Он приветливо махнул Инсарову рукой. А ведь убийца как раз маленького роста... Сходится!

Завязалась беседа; человек все время бубнил о каких-то расчетах. И однажды Инсаров раскусил его. Следы от когтей чудовища, когда оно становилось истинных своих размеров, осведомленность и то, что он всегда рядом...

Это оказалось не сложно. Сложнее не дать понять, что карты раскрыты, и не вернуть снимки с расчетами. Водить за нос.

Он сумел перехитрить незнакомца! Провел расследование, которого не было, сделал опережающие ходы.

А злодей заметал следы. Убийств после «отката» не существовало. Однако человеческое сознание — частичка Мировой Души — хранило их отголоски. Поэтому люди боялись мостов. Цапле и ее зверствам обязаны они паутиной кошмаров, захлестнувшей город.

Итак, Кукловод скрылся, но Инсаров слышал его голос.

Вновь заработал талисман, и сыщик увидел, как в прошлом, до «отката», пытался выследить карету. Ему удалось! Вместо того чтобы пойти к Аглае, он бросился вдогонку. Теперь он знал адрес преступника!

А тот ничего не опасался. Спокойно удалялся в карете, уверенный, что все сотрется. В выстроенном из манипуляций со Временем Лабиринте он был недосыгаем. Какой механизм или закон природы он открыл? Что позволяло мерзавцу все отыгрывать?

Но, тем не менее, он перехитрил негодяя, с облегчением подумал Инсаров. Однако радость тут же сменилась отчаяньем. Дуня! Она погибла!..

«Если не передашь мне готовое уравнение, убью Дуню», — всплыли по воле талисмана в мозг слова карлика, сказанные как-то им возле моста.

Когда-то персиянин спросил, виноват он в смерти семьи или нет. Сестра точно погибла из-за него. И по его вине чудовище вырвалось из открытого Зеркала.

27

Инсаров лежал на земле, обессиленный, мучаясь физической болью и угрызениями совести. Подбежал санитар, помог подняться.

— Пи-и-и-ить... — прохрипел Петр Дмитриевич.

Ему принесли в деревянном ковшике холодной воды. Утолив жажду, Инсаров чуть ожил, постарался взять себя в руки.

Все еще можно исправить, думал он. Есть адрес, а там Зеркало. Он заставит Кукловода все переиграть.

28

Ветхая хибара на дальней окраине Петербурга.

У сухого тополя переминалась с ноги на ногу девушка в темном платье и теплой накидке. Ветер трепал выбившиеся из-под шляпки каштановые кудри. Заметив Инсарова, девушка кинулась ему навстречу.

— Что вы здесь делаете?! — удивился сыщик.

Аглая Стрепетова показала фотографический снимок, на котором было запечатлено послание, гласившее, что ей надо прийти в это место в такое-то время. Послание подписано Инсаровым.

— И вот я здесь! Но... Но что сие означает? — насмешливо прищурилась она. — Это свидание, господин суровый следователь? Однако оригинальное приглашение, право слово. Тем более, у меня ведь есть, гм, близкий человек.

— Но вы все же явились. — Эти слова вырвались помимо воли. Черт, и о чем только думает! — Видели здесь кого-нибудь?

— Нет, я только подошла.

Инсаров забрал у нее снимок и закрыл глаза, пытаясь «настроиться» на талисман.

Взрыв! Из носу хлынула кровь...

Он увидел, как, пытаясь найти управу и обуздать чудовище, с помощью Аглаи производил вычисления.

Он давал указания, она считала. Славные минуты, проведенные наедине в комнате. Даже редкие улыбки и шутки в городе, охваченном страхом и ужасом.

Но времени так мало, и оттого оно особенно драгоценно.

И, конечно, Аглая ничего не помнит, ибо этого н е б ы л о . Стерто! И все же подсознательно девушка тоже что-то ощущала. Недаром тогда сказала, будто знает его сто лет и про разные глаза.

А он, значит, определил нужное время, видимо, не без помощи персиянина, и отправил ей снимок послания. Теперь прояснилось, что означают уравнения и цифры на прочих фотографиях. Выражаясь высоким штилем, они с Аглаей выковыли меч. Расчеты, правда, не доведены до конца, уравнение еще не дорешены.

И все же они у дома преступника. И именно там Зеркало для входа в четвертое измерение.

Дуня будет, будет спасена, и кошмар из города улетучится!

Талисман «замер».

— Что?.. Что с вами, Петр Дмитриевич?! — восклицала Аглая. — Кровь из носа, едва стоите на ногах! — Достала платок и вытерла ему лицо.

«Ох-х-х, знала бы ты, милая, как у меня раскалывается голова», — вздохнул Инсаров.

Ломило в висках, сердце точно готово было выскочить из груди. Нет, больше еще одного контакта с талисманом он не выдержит.

Инсаров на всякий случай проверил револьвер. Конечно, заряжен.

— Аглая, ждите здесь. Подам знак — идите в тот дом. — И нетвердым шагом направился к логову убийцы.

29

Когда карета подъехала к каналу, он выпустил алчно щелкающую зубастым клювом цаплю на волю. Та проскакала по булыжнику, скрылась под каменным сводом моста во мраке и нырнула в Неву. Чудовище любило воду.

Карета отвезла человека домой и уехала. Он не волновался — никто его не выследит.

Здесь, среди ветхой мебели, кое-как сбитых стульев и стола, он чувствовал себя спокойно. Привык жить просто, по-спартански. В комнате много книг — он пытался овладеть премудростями высшей математики, но столько усилий, и лишь начало единственного уравнения удалось сравнительно неплохо. Наброски он передал Инсарову.

На Петергофской, конечно, все давно утихло. И он отнял, отнял у следователя сестру и скормил цапле!

Подошел к Зеркалу, прежде чем сдернуть с него покрывало, засучил рукава и взглянул на свои руки. Шрамы воспалились. Не только на руках, но и на спине и животе. Ныли на ноге обрубки пальцев. Он задрожал. От боли, а еще — как уже бывало тысячи раз — от мысли, что его обман вскроется. У них с цаплей телепатическая связь. Малейшая оплошность, нарушение самоконтроля — и конец. Его сожрут.

Но — о да, да, он великий обманщик! Лицо исказила улыбка, подобная гримасе.

Он сдернул с Зеркала покрывало. Провел пальцем по гладкой поверхности, которая чуть поддавалась под нажимом. Пошла рябь. Из глубин зеркальной поверхности пробилось желтоватое сияние.

Когда-то он часто заходил в это пространство, блуждал там. Ему нравилось ощущение познания неизведанного, и то, как пощипывало там кожу. В

пространство он проник глубоко. Цифры, повсюду цифры, в кои облачены минувшие события.

Это как река. В реке вода и водоросли. А на дне щуки и гады. Цифры — это водоросли, щуки — чудовища. Ближе ко дну цифры «прогнали» и стали пищей для чудовищ, пожирающих прошлое. Те их сжирают, а в реальном мире соответственно что-то пропадает бесследно. Ха-ха-ха, по щучьему веленью.

Он первый обнаружил этих чудовищ! Когда брали ювелирный салон, их увидел и Пашка Козляткин. Повел себя как круглый дурак! Чуть все не испортил. И его застрелил Инсаров.

Пашка забыл закрыть Врата, и оно вырвалось. Одна цапля, прочие остались на дне. Но эти питающиеся прошлым существа действуют сообща, и когда цапля первый раз натворила бед в городе — ее товарки у себя в пространстве сразу «подтерли» все следы. Будто и не было того кровавого пиршества на Литейном.

А цапля, мгновенно уменьшившись, затаилась в воде под мостом.

Он сумел их приструнить. Имелись у него определенные козыри. Наброски уравнения, которое могло их всех уничтожить. Его тело после корректировки (но как же было больно себя кромсать!) стало... уравнением. Не до конца решенным и на деле бесполезным, холостым патроном, однако чудовища, разумеется, этого не знали, и, боже ты мой, сколько потребовалось самоконтроля и воли, дабы не допустить утечки к ним мысли.

Опасной мысли о бессилии.

И он пообещал не трогать их, если они будут «стирать» за своей товаркой. Та же, в свою очередь, подчиняется его приказаниям. И договор твари соблюдал честен.

Со смертью Пашки он точно остался без рук. Никаких новых операций провернуть не мог. Хотя зачем? Денег уже много, но к чему они? Иное движило им. Власть! Нестерпимая жажда власти! Он наслаждался ею в этом Городе страха. Ею, а еще смертями и кровью — прямо посреди улиц... И — все стиралось!..

(Меж тем цапля не отрывала от хозяина ненавидящего взгляда белесых глаз.)

Когда-то он влачил убогое существование грязного воршишки, мелкого жулика. Его нашел Шульгин через свою картотеку и предложил.

Поначалу это напоминало бред. Дескать, он уникал, а его физические параметры — ключ к изменению некоего политического события. И тогда ситуация в стране изменится, народ станет жить лучше!

Его совершенно не интересовала ни ситуация в стране, ни как будет жить народ. Он обманул Шульгина, уловил суть его фокусов, познакомился с Козляткиным, а потом... А потом умыкнул Зеркало. Теперь он мог творить что угодно. Эх, если бы Пашка не подставился так глупо! Без него и впрямь как без рук, но может, позже найдется новый подельник.

Идея надевать перед операцией одежду с формулами казалась ему смешной. Можно иначе менять параметры. Идти до конца. Правда, очень больно. Но это — Совершенство. Познание Искусства. Обретение Философского камня, Истины.

Шульгин оказался совестливым и ненадежным. Готов был все выложить Инсарову. Не успел, он вовремя убрал его. Вон на столе рядом с трубкой та коробка с документами.

У него был план насчет сыщика. Опрашивал его товарищей по гимназии, узнав многое, в том числе, что того кликали Бесом. Он их напоил, смешав вино с опиумной настойкой и кое-чем еще. Чтобы позабыли, как он выглядит. Ох, как хлебал художник Косуцкий! А вот могильщика прикончил — глупец наотрез отказался пить.

Инсаров ухитрился взять его след. Достойный противник, и отчего же не поиграть? Цапле скормит достойного Петра Дмитриевича позже, когда получит от того готовое уравнение, ради которого пришлось познакомиться лично. И тогда он перестанет бояться чудовищ. А убийство Дуни — неплохой ход в партии. Можно сказать, шах. И наказание.

Но... как же мерзко! Может, человек умер в нем не до конца?

Нет-нет, хочется еще вкусить сладостной власти. Еще крови! Хотя это завтра. Завтра он устроит великую бойню. А сейчас — покурить опиум, унять страхи и боль.

Он потянулся к трубке, но с улицы донеслись вдруг шаги. Кого черт несет?

Осторожно посмотрел в окно. К дому нетвердой поступью приближался человек в темном пальто с револьвером в руке.

Инсаров! Откуда узнал адрес?!

Нет, сам он не справится с сыщиком. Поспешно выбрался через задний ход и прислонился к стене. Мысленно потянулся к цапле. Сейчас, вот сейчас...

30

Дверь была закрыта. Разбив оконное стекло, Инсаров пролез внутрь.

На обшарпанном столе горели свечи, однако в замусоленной, убого обставленной хибаре таилось подлинное сокровище. Петр Дмитриевич сразу заметил его. Большое зеркало стояло в углу, рядом валялось покрывало. Из глубины зеркала исходило желтоватое свечение.

Инсаров крикнул в окно:

— Аглая, идите сюда! — Он отворил девушке дверь, и она вошла, с робким любопытством оглядываясь по сторонам. Петр Дмитриевич подставил ей стул.

— Присаживайтесь. Можете донести эти формулы до ума? — Протянул ей фотоснимки, придвинул перья и чернильницу.

Стрепетова, посмотрев на формулы, покачала головой:

— Это будет непросто.

— А когда-то у вас получалось неплохо, — усмехнулся Инсаров.

Девушка недоуменно подняла глаза:

— О чем вы?

Он отмахнулся. Пока Аглая занималась формулами, сыщик сдернул с кровати простыню. Поморщился от застарелого запаха. Но делать нечего и вдруг...

Где-то далеко послышался громкий птичий клекот, огласивший улицы Петербурга и, несомненно, перепугавший и без того измученных напастями горожан.

— Она приближается! — ужаснулся Инсаров. Каким-то образом мерзавец вызвал ее сюда. Скоро тварь появится здесь, и тогда... Он, содрогаясь, представил, как цапля мчится по улицам, круша все на своем пути и становясь все больше, больше, больше.

— Что происходит?! — раздался внезапно негромкий, но явно возмущенный голос. — Инсаров, от вас я такого не ожидал! Вы показались мне человеком благородным!

Сыщик изумленно обернулся, впрочем, уже зная, кого увидит. Профессор Лука Огурцов собственной персоной! Толстый, как колобок, повязка через глаз, черный костюм. (Чудны дела твои, Господи!)

Стрепетова же бросилась ему на шею и осыпала круглую физиономию жаркими поцелуями. Профессор был смурнее тучи, но постепенно успокоился.

— Дорогой, ты следил за мной?!

— Но я волновался, Аглая!

— Так следил?

— Ну-у-у, немножечко. Ты исчезла, не предупредив. А мы же собирались в ресторан.

Девушка виновато пожала плечами:

— Я получила записку от господина следователя с просьбой прийти сюда. Страшно важное дело, милый. Раскрываем преступление.

Огурцов саркастически хлопнул в ладоши:

— Вот это мне нравится! Это мне по душе! И что, ловим пресловутого Джека-Попрыгунчика? Ха-ха-ха, чем могу быть полезен?

— Ладно-ладно, профессор, не ерничайте!

Сунув руки в карманы пальто, Инсаров с удивлением рассматривал необычную пару. Стрепетова, правда, говорила, что у нее есть некий, гм, друг, однако Огурцов...

Но, вообще-то, даже хорошо, что он явился, подумал Петр Дмитриевич. Ему опять показалось, что вдали послышался клеток, и он взволнованно крикнул:

— Профессор, помогите нам!

А клеток уже ближе. Скоро цапля будет здесь! Время стремительно таяло.

— Что это? — встрепенулся Огурцов. — Я слышал по дороге. Бр-р-р, прямо душа в пятки!

— Ваш Джек-Попрыгунчик! — рявкнул Инсаров. — Прошу вас, скорее!

31

Он сидел на кровати и смотрел на склоненные над столом головы. Иногда вскакивал и нервно шагал взад-вперед по комнате. Сейчас они закончат, он нарисует все на простыне, войдет в Зеркало... Он понятия не имел, что изменится, для чего эти формулы, только надеялся, что там, в стертом прошлом, он не ошибся и отослал себе то, что требуется.

— Петр Дмитриевич, взгляните! Я убрала газету, а тут...

Сыщик кинулся к столу. Он давно заметил газету, но не притрагивался к ней. Ее случайно смахнула Аглая, а под газетой оказалась картонная коробка с пятнами крови на крышке.

Дрожащими руками Инсаров схватил коробку, взволнованно выдохнув, открыл... Записанная от руки биография и антропометрические данные некоего человека, исчезнувшие из картотеки после убийства Шульгина.

Сыщик просмотрел бумаги, и все прояснилось. Не давашие покоя разрозненные фрагменты головоломки наконец сошлись воедино.

Тот человечек возле моста. Вот почему лицо показалось знакомым. Карлик сложен непропорционально, а лилипут, напротив, вполне нормально. Последнего легко принять за ребенка, особенно на расстоянии.

Инсаров оторопело снова сел на кровать.

Да-да, Козляткин бросился на улицу не просто так, когда увидел в Зеркале чудовище. Он искал определенного человека. Главного! А отыскав, схватил его и приставил к горлу нож.

Теперь Петр Дмитриевич знал, что делать.

Надо вернуться к ключевому событию, «пересчитать» его. Попасть на участок городского Тихона, оттуда — в квартиру с открытым Зеркалом и закрыть Врата. Монстр не успеет вырваться. Дуня спасена. Город станет прежним.

А гулкий топот все ближе, клеток все громче, но пока, слава богу, где-то на соседних улицах.

— Профессор, включите эти данные в уравнение! — сунул Инсаров Огурцову антропологическую карту с параметрами лилипута.

Кивнув, толстяк утер рукавом испарину с бледного лба. Пробормотал:

— Это уже попроще.

Стрепетова с обожанием смотрела на своего героя.

— Есть! — ликуя, подпрыгнул на стуле тот.

— Отлично! — Инсаров растелил на столешнице простыню. — Быстро переносим цифры сюда.

Через пару минут все было готово. Прорезав в ткани отверстие для головы, Инсаров набросил простыню и шагнул к Зеркалу, свечение из которого желтовато-прозрачными щупальцами потянулось к цифрам на материи... И вдруг отскочил назад.

Адрес! Адрес комнаты, где надо закрыть Врата! Без этого ничего не выйдет.

Внезапно осенило. Сыщик зажмурился и послал мысленный импульс-вопрос талисману.

Взрыв мозга!.. Показалось, что сердце вот-вот остановится. Во рту солоноватый привкус крови. Он упал на пол и... увидел а д р е с . И талисман сразу «выключился».

Огурцов с Аглаей подняли Инсарова, говорили, что нужен доктор.

— Нет-нет, подведите к Зеркалу.

Поддерживаемый с обеих сторон, он встал перед Зеркалом. Щупальца вновь потянулись из испещренной мириадами цифр глубины. Сделал шаг, опять чувствуя во рту кровь. Успел подумать: «Кажется, я умираю», — и желтое сияние поглотило его.

32

И в этот миг мощным ударом с домика сорвало крышу. Огурцов и Аглая увидели над собой мертвенно-белесые глаза и разинутый длинный клюв с острыми зубами. Из клюва капала мутная слюна.

Гигантское существо с пронзительным клекотом захлопало крыльями. В воздухе закружились перья, а страшный клюв все ближе, ближе...

Огурцов закрыл собой потерявшую сознание девушку. И вдруг...

И вдруг чудовище исчезло.

ЭПИЛОГ

Днем Инсаров навестил Дуню, а потом решил отдохнуть. Ох, до чего же устал! Словно — пришло на ум неожиданное сравнение — за несколько дней прожил несколько жизней. Очень, очень беспокойных и тревожных жизней.

Восседая в любимом вольтеровском кресле, Петр Дмитриевич поглаживал Могилу и читал «Полицейский листок». В газете восторженно писали о том, как доблестный сыщик Инсаров героически застрелил двух опасных грабителей.

